



Облака

Облака

Мария Зябликова

Всю свою жизнь я была серой мышкой, которая только и делала, что мечтала. Мечтала о собственной квартире в центре Нью-Йорка, о крутой машине, на которой я буду оказываться в центре всех самых интересных событий города, о крутом парне, который будет трахать меня каждую ночь, доставляя мне сказочное удовольствие, и целую череду сногшибательных оргазмов. Но все это — сплошные иллюзии пока ты — просто бельмо в глазах "Королев колледжа", которых ты бесишь одним своим немым присутствием и несгибаемым характером. Но выпускной открывает новые возможности и расширяет горизонты, поднимая меня все выше и выше с каждой минутой...

История первая: «Кто такая Кира Диас?»

Всю свою жизнь я была серой мышкой, которая только и делала, что мечтала. Мечтала о собственной квартире в центре Нью-Йорка, о крутой машине, на которой я буду оказываться в водовороте всех самых интересных событий города, о крутом парне, который будет трахать меня каждую ночь, доставляя мне сказочное удовольствие, и целую череду сногшибательных оргазмов.

Но я сижу на подоконнике возле окна, обернувшись теплым красным пледом. Я обожаю смотреть на ночное небо, погружаясь в свой мир фантазий или воспоминаний. Обхватив себя двумя руками за плечи, смотрю на мириады сверкающих огоньков на небе, в которые так и хочется погрузиться. Сбежать от всех проблем настолько далеко, насколько это возможно. Насколько высоко, чтобы можно было увидеть, как ничтожны бывают те, кто сейчас находятся на самых вершинах.

Я оглядываю свою комнату в съемной двушке Бруклина. Большая кровать застелена белым хлопковым бельем, а сверху заправлена голубым пледом, который идеально сочетается цветом стен такого же оттенка. Белоснежный тюль на окнах мягко струится до пола, раздуваясь от ветра сквозь открытое окно. Компьютерный стол из светлого дерева и в тон ему — комод и шкаф для одежды — всё достаточно просто, но большего мне и не нужно. Это единственное, что мне удалось найти за те деньги, что накопила моя мама, поскольку работать у меня не было возможности. Я стараюсь быть благодарной ей за всё: за то, что она одна смогла вырастить меня приличным человеком, а не наркоманкой и проституткой; за то, что она работала на двух работах, чтобы сшить мне платье на выпускной, картинка которого висела у меня в комнате с начальной школы; и еще много за что.

Перед отъездом она сделала мне небольшой подарок — браслет из атласных нитей розового и золотого цвета, на котором висел маленький кубик из дерева с ее именем — Rosalie. Запах дерева был настолько родным для меня, что я всегда с улыбкой на лице перебирала пальчиками маленький кубик-подвеску, вспоминая, как она могла целый день провести в мастерской, выжигая различные поделки из дерева для продажи. В те времена мы были очень счастливы.

Но все же, мне хотелось большего, чем было у меня тогда. У меня никогда не было новинок одежды и техники. До 17 лет мы даже не могли позволить себе купить мобильный. Не было парней, которые бы вскружили мне голову, за исключением может быть певцов или актеров, плакатами которых были обклеены стены моей комнаты. Всегда хотелось, чтобы я родилась в другом месте и в других условиях. Но возможно однажды я пойму, насколько все

это было тяжело и для мамы тоже.

Тишину моих воспоминаний нарушает открывающийся замок входной двери.

— Кира, ты дома? — кричит Эмили — моя беззаботная соседка и единственная подруга в этом дурацком городе.

— Я в комнате! — спрыгиваю с подоконника, и несколько русых прядей моих волос падают на лицо.

— Ну и какого черта? Девять вечера, а ты сидишь одна в тишине и с выключенным светом? — заходит подруга в мою комнату и включает свет, отчего я жмурюсь.

— Я пытаюсь представить свою жизнь после того, как получу диплом и избавлюсь от этой ненормальной Эшли.

— Она снова испортила тебе день?

— Ага. Сказала кому-то, что у меня венерические заболевания, но при этом я мечтаю переспать со всей футбольной командой. Ей богу, Эмили, я очень хочу, чтобы ее силиконовые сиськи лопнули, когда очередной парень будет зажимать ее в коридоре университета. Это ведь так по-детски глупо, что кажется, будто у нее комплексы какие-то.

— Ты знаешь, я бы не стала терпеть эту сучку и давно поставила ее на место.

— Я бы тоже, но очень хочу воспитать в себе одно качество. В резюме, кажется, это пишется — стрессоустойчивость, — кручу пальцем, показывая что-то неопределенное. — Ты будешь ужинать?

— Не отказалась бы от салата.

Зайдя на кухню, первое, что бросается в глаза это холодильник, дверцы которого увешаны магнитами с нашими фотографиями и записочками друг другу. Открываю его в поисках продуктов для ужина, пока Эмили усаживается за стол.

— Ну что, завтра твой последний день в том аду. Что дальше? Ты так и не решила, чем будешь заниматься?

— Кое-что есть на примете, — улыбаясь, смотрю на подругу, закрывая дверцу холодильника ногой.

Весь день я решала, что мне дальше делать со своей жизнью, которая была настолько унылой, что больше походила на скучный черно-белый фильм. От того, что я не могла определиться с дальнейшим планом моей собственной жизни, все вокруг меня бесило и раздражало. Было столько всего, чем бы мне хотелось заняться, но все, что бы ни приходило в голову — меня не вдохновляло. В университет я поступила только для того, чтобы получить диплом о высшем образовании, но работать по выбранной специальности я не хотела. После выпуска из старшей школы все происходило так быстро, что я просто не смогла определиться, кем хотела стать потом. Да и не понимала этого до последнего момента, пока не увидела объявление.

— Стюардесса? — изумленно смотрит на меня Эмили, держа в руках рекламную листовку о наборе кандидаток. — Серьезно? Ты хоть раз летала? — облакачивается на стол и наклоняется в мою сторону.

— Было дело. Но это все не важно, Эмили, — сажусь рядом с ней и смотрю на листок. — Я всегда хотела в небо. В детстве я мечтала стать космонавтом, — от этих воспоминаний мне становится смешно, — но это было маловероятным. С каждым днем я все больше и больше смотрю на небо. Мне хочется туда. Не важно, что я при этом буду бегать на каблуках, обслуживая наглых и требовательных пассажиров, и убирать за ними. — От этой фразы и представленной картины лицо подруги сильно скривилось. — Главное что я буду

парить над землей. Я просто хочу летать. Меня тянет туда.

Мы молча сидим пару минут, разглядывая оранжевый лист с напечатанными требованиями к кандидаткам. Я — мечтательно, а Эмили больше с сомнением.

— Ты ведь понимаешь, что тебя не будет дома очень долго?

— Понимаю.

— И там требуется львиное здоровье.

— Да. Я уже все узнала, — улыбаюсь ей.

Девушка сдается и вздыхает:

— Черт, девочка, это изменит твою жизнь.

— Да, да. Это то, что я хочу. Спасибо Эшли Стоун, которая на протяжении пяти лет учила меня не обращать внимания на таких идиотов, желающих достать тебя своими тупыми вопросами или просто испортить настроение. Я хочу начать новую жизнь, как только покину стены универа. И знаешь, с чего я решила начать? И мне, кстати, нужна твоя помощь, — указываю на нее пальцем.

— Нет. С чего?

Яспрыгиваю со стула, убегаю в свою комнату, и возвращаюсь с двумя коробочками, демонстрируя их подруге.

— Рыжий? Ты серьезно? — она прикрывает рот рукой и начинает смеяться.

— Так точно. Я хочу стать огненно-рыжей! Чтоб меня видели издалека! Плевать я хотела на мнения остальных. Я слишком долго скрывалась под маской серой мышки, пока во мне жила другая Я.

— Это верно! — хихикает Эмили, отбирая у меня одну коробку с краской. — А ты знаешь... — задумчиво произносит она, — тебе очень пойдет этот цвет. В моих мыслях ты была брюнеткой, но с рыжими волосами ты будешь той еще дикой штучкой, которую не упустит ни один парень.

Она всегда старалась изменить меня, пытаясь сделать более яркой. Но я старательно избегала этого, поскольку не была замкнутой в себе. Не смотря на мою скромную внешность и спокойный характер, я находила общий язык со многими, особенно парнями. Это бесило Эшли Стоун, и она стала плести интриги вокруг меня, чтобы лишать меня радости студенческой жизни. Но я не хотела воевать. Конечно, я бы могла ответить ей пару раз, да так, что ее рот закрылся бы на долгое время. Но тогда это бы привлекло больше внимания ко мне, а мне этого совершенно не хотелось. Я прекрасно понимала, что это глупо. Именно поэтому не наряжалась, как местная шлюха, не наносила тонну макияжа и не вела себя, как дешевка с завышенным самомнением. Я была простой и милой с окружающими, если они были таковыми со мной.

Но внутри я хотела безудержного веселья, вечеринок, безумного секса и море разврата. Как говорила Эмили: «в тихом омуте...». И да — это точно про меня, особенно после нескольких стопок текилы. И я намереваюсь начать воплощать все это в реальность. Хочу вырваться и избавиться от этого ампула обычной девушки.

— Уж очень на это надеюсь, — хихикаю. — Пожалуй, пойду спать. Завтра важный день — конец моей прежней жизни и шаг вперед на встречу новой.

— Давай, давай, — помахала рукой подруга и принялась уплетать свой ужин.

На следующий день все, что я помню, это как называют мою фамилию среди сотен других. Волнение захлестывает меня. Все хлопают то ли мне, то ли просто так. Черная

мантия развеивается от легкого летнего ветерка и от каждого моего шага к заветному диплому, который покончит с моей прошлой жизнью и даст мне шанс на новую. Я поднимаюсь на сцену. Сердце радостно колотится в груди, а в животе словно исполняют сальто десяток акробатов. Щеки наливаются краской. Руки начинают слегка трястись, когда я поднимаю их, чтобы забрать то, зачем поднялась сюда.

— Поздравляю с успешным окончанием, мисс Диас, — говорит директор, вручая мне диплом.

— Спасибо. — Становится трудно дышать. В горле стоит комок и, будто расширяясь, не дает мне ни вздохнуть, ни сглотнуть. Глаза предательски наполняются слезами радости и огорчения одновременно от того, что мама не может порадоваться за меня так, как другие родители за моих однокурсников. Но зато пришла Эмили. Она закончила колледж в прошлом году, и сейчас работает в местном издательстве, но я решила, что не хочу идти по ее стопам, мне нужно было что-то свое.

Сотни шапочек выпускников взлетают в воздух после того, как все фамилии названы. Огромная улыбка на моем лице освещается лучами яркого солнца, но меня не интересует ничего вокруг. Я лишь смотрю на маленькую точку в небе, которая стремительно летит среди белоснежных облаков.

Хочется поднять руки вверх и просто помахать им — тем, кто сейчас так высоко. Хотя, что мне мешает?! Сейчас тут рады все, и можно позволить себе любые шалости.

Руки сами собой тянутся вверх. Меня переполняет множество эмоций. За всю учебу я не прогуляла ни одной пары и строго шла к своей цели — получить диплом. Мне было плевать на все, что происходило здесь. Главное, что я сделала это! Я осматриваю толпу улыбающихся выпускников, которые смеются, кричат, обнимают друг друга. Смотрю на хлопающих нам родителей и профессоров.

— Уууу-ху! Вперед в новую жизнь! — что есть силы, кричу я и начинаю смеяться, и толпа выпускников поддерживает меня. Я перевожу взгляд на Эмили, видя, что только она знает и понимает, как я рада этому всему. Я двигаюсь к ней, чтобы тоже обнять ее. Черт, эта девочка прошла со мной через все трудности жизни неудачницы в университете. Ей не приходилось переживать все это, но она поддерживала меня в каждой ситуации и не давала сорваться. Эмили раскрывает руки для объятий, и я просто влетаю в них, от чего подруга чуть не теряет равновесие.

— Спасибо тебе, дорогая, что была со мной все это время.

— Ты же знаешь, что я с тобой в любой ситуации. Тем более я видела, что ты не неудачница. Просто гораздо умнее всех них, — говорит она, проводя рукой по моим волосам.

— Мама бы мной гордилась, — чуть улыбаюсь ей.

— Ты знаешь, а она гордится. — Эмили выуживает из кармана телефон, поворачивая его ко мне дисплеем. Радость, слезы и счастье — это все, что я испытываю сейчас, ведь Эмили умудрилась объяснить моей маме как пользоваться видео вызовом. И сейчас улыбающееся лицо моей мамы, которая тоже хлопает в ладоши на экране — это самое драгоценное, что можно было представить. Я очень огорчилась, что ее не будет со мной на выпускном. Но Эмили сделала мне великолепный сюрприз.

— Мама! О боже! — кричу я, чтобы она услышала меня в этой голосащей толпе.

— Привет, милая! Я поздравляю тебя, — говорит она и вытирает слезу. — Ты теперь совсем взрослая.

— Спасибо мама, но я все так же, твоя маленькая дочурка и всегда буду ею.

— Я знаю, знаю. А теперь иди веселиться с друзьями. Созвонимся попозже. А то из-за этого шума у тебя там, я даже своих мыслей не слышу.

— Хорошо. Я обязательно позвоню тебе, у меня есть что рассказать, — я посылаю ей воздушный поцелуй. И взамен получаю такой же.

— До вечера, любимая, — на этом я отключаюсь и снова обнимаю подругу.

— Эмили, ты потрясающая! — душу ее своими объятиями, и девушка наигранно начинает кашлять.

Ее блестящие черные волосы развеваются на легком ветру, с ярко-красных губ не сходит улыбка. И я начинаю подозревать, что она что-то задумала. С прищуром смотрю на нее.

— Да. Все правильно девочка, у меня есть для нас с тобой сюрприз. Коли я прошла через все круги ада вместе с тобой, то нам необходимо оттянуться по полной сегодня. — Она достает из сумки два билета в женский стрип клуб. — Поздравляю тебя солнышко, со вступлением во взрослую жизнь.

Я начинаю смеяться, прикрывая рот одной рукой, и беру второй билеты.

— Ты серьезно? Вот это да!

— О, смотрите-ка. Кто-то у нас решил осмотреть будущее место работы. — Слышу позади себя ужасный голос Эшли.

Все. Она меня достала. Сейчас мне уже абсолютно наплевать на нее и ее выходки. Я медленно поворачиваюсь, и с каждой долей секунды гнев только быстрее бежит по моим венам, а каждая частичка моего тела готова наброситься на нее прямо здесь и сейчас. Злость. Чертовская злость, которой я точно не испытывала раньше, переполняет меня, потому что сегодня самый важный для меня день, который эта стерва пытается испортить как и все предыдущие.

Все еще поворачиваясь, ко мне возвращается рассудок, и я начинаю просчитывать варианты: надрать ее тощую задницу прямо здесь, у всех на виду или просто тактично послать ее нахрен.

В голове, будто красной лампочкой, загорается слово — «стрессоустойчивость». Таких идиотов в моей жизни будет еще полно. Не нужно быть такой же, как она и опускаться до ее уровня.

— Эшли. — Делаю шаг к ней, с лицом, не выражающим никаких эмоций. Я даже смотрю больше не на нее, а на ее обувь. Подойдя в плотную настолько, что задеваю своей грудью ее, я резко поднимаю голову и смотрю прямо ей в глаза. Она явно не ожидала от меня такой наглости, и на ее милом личике играет целая палитра эмоций от раздражения до уважения. — Видишь ли, — намеренно делаю паузы между словами, — всё это время ты могла позволять себе любые действия и выпады в отношении меня, чтобы удовлетворить свое сраное эго. Но с сегодняшнего дня — всё! Забудь обо мне, как я забуду о тебе и твоём жалком существовании в моей жизни. Все, что может связывать меня с тобой, так это мысль, что в мире полно таких же тупых и напыщенных девиц, которые умеют только отсасывать, чтобы чего-то в жизни добиться. Я долгое время молчала, чтобы жизнь «Королевы» не свалилась на мои плечи, потому что мне все это не нужно, ведь у меня нет комплексов неполноценности. Я молчала, только чтобы просто окончить университет и идти по жизни дальше, набравшись опыта для работы в хороших компаниях с хорошими руководителями. А всё здесь происходящее мне детский сад. Поэтому ты, пожалуй, оставайся и дальше тут играть, а я пойду поскорее во взрослую жизнь. — Довольная ухмылка озарила мое лицо

напоследок, после чего я развернулась, взяла свою подругу под руку и пошла в сторону выхода с организованной для нас площадки.

Я знаю, что Эшли все еще смотрит мне в след, не понимая, что сейчас произошло. А все мое тело пропитала гордость. Но я не смогла удержаться и, двигаясь в противоположную от нее сторону, показываю ей средний палец, ставя, таким образом, точку в нашей долгой игре.

— А я-то все думала, когда это случится? Кира Диас — ты удивила меня, — смеется Эмили, открывая передо мной дверь своего авто и звеня перед моим лицом ключами от своего Volvo. — Сегодня ты за рулем.

Сцепление, газ и мы трогаемся с места. Приятная на ощупь обивка салона, запах недавно отполированной панели, громкая музыка и мы, орущие песни во все горло. Нам плевать, что о нас думают прохожие, которые слышат нас через открытые окна авто, плевать на тех, кто видит нас из автобуса и показывает на нас пальцем, потому что мы танцуем и дурачимся, как только можем.

Высунув руку в окно, я ловлю рукой поток встречного ветра, который пропускаю сквозь пальцы, плавно переходя в волну в такт музыке. Запах города проникает в салон машины с дуновением вечернего ветерка, развевая наши волосы, запутывая их. Но нам абсолютно плевать. У нас есть только наше «сейчас», которое несет нас по дороге все ближе к нашему дому, где меня ждет старт к новой жизни.

— Все готово, — говорит Эмили, смыв, наконец, с моих волос тонну краски с едким запахом. Я обернула голову полотенцем и вышла из ванной. — Наверное, я пока побуду твоим визажистом. А потом посмотрим, что там вышло. — Она вращает указательным пальцем, указывая на мою голову.

— Договорились. На сегодня я вся твоя. Только одно пожелание.

— Все что хочешь, кроме вида монашки.

Я беру зеркало в золотой оправе и еще раз смотрю на прежнюю себя.

— Хочу быть яркой, дерзкой. Но не делай из меня шлюху, как эта Эшли.

— Мы к этому и идем. Поэтому положи назад зеркало и дай мне уже скорее начать.

Ее черные локоны щекочут мне лицо, пока подруга нависает надо мной, преображая мой образ. Один штрих за другим. Я рисую новую себя, ту, кем я хочу стать. А бабочки в животе продолжают свой ураганный полет, вырвавшись и разлетаясь по всему моему телу, образуя на коже миллиард мурашек.

Я наблюдаю за Эмили. Она всегда стильная и броская. Угольно-черные волосы прекрасно оттеняют кожу, не делая ее лицо бледным. Под хорошо наложенным макияжем не видны синяки или круги под глазами. Ярко-красные губы всегда привлекают внимание не только мужчин, но и женщин, которые с завистью смотрят на нее, по-видимому, не решаясь приобрести такую и себе. Стройное тело никогда не видело мешковатой одежды, только облегающие платья или топы с глубоким вырезом. И однозначно каблуки. Одни лишь они и никак иначе. Эмили не признает плоскую подошву, считая, что ее ноги созданы только для высоких шпилек. На ее фоне я всегда выгляжу невзрачной подружкой, как в любом фильме. Но всему есть конец.

Через полчаса я наконец-то получаю возможность увидеть свое отражение в зеркале. Первое, что бросается в глаза — это, конечно же, волосы. Они обжигают рыжие, словно языки пламени обрамляют мое лицо мягкими волнами. Подводка четкой черной линией очерчивает контур моих глаз и в уголках уходит в небольшую стрелку. Черные, длинные и густые ресницы делают взгляд необычайно красивым и выразительным. Немного румян и

слегка розовые губы, которые напоминают лепестки нежной розы — последний штрих новой меня.

Я ожидала изменений, но не могу оторваться от своего отражения. Голова начинает немного кружиться от всех сегодняшних происшествий, но я берусь за деревянный подлокотник стула, опираясь, чтобы встать и подхожу ближе к большому зеркалу на стене. Каждый шаг сопровождается легким качанием моих волос. Они будто живут в одном ритме с моими движениями, чего нельзя было сказать раньше. Мне кажется, я даже начала их слышать, но возможно это потому, что Эмили потратила на них половину своего баллончика с лаком. Черное платье едва прикрывает мой зад, но делает ноги невероятно длинными. Если бы я была парнем, то трахнула бы саму себя. Потому что эта девица в отражении — невероятно сексуальна.

— Эм... Эмили? Подойди-ка, пожалуйста. — Зову ее я неуверенным голосом, и вижу, как озадаченная подруга быстрым шагом направляется ко мне.

— Что-то не так?

— Если ты сейчас же не уведешь меня от зеркала, я боюсь, что начну удовлетворять саму себя прямо здесь же. Потому что это... — я поворачиваюсь к ней и хватаю ее за плечи, — просто невероятно! Черт, подруга, да ты посмотри на меня. И посмотри на себя, — указываю рукой на нас, — мы с тобой в купе просто бомба, но ни хрена не замедленного действия. Торпеда, целью которой будет одно — чтобы все мужские члены сегодня встали при одном нашем появлении.

— Кира, ты всегда была такой и просто скрывалась под маской скромницы? Или ты на самом деле скромница, которая надела на себя образ раскрепощенной сучки, готовой к разврату?

— Скорее второе, но думаю, что этот образ теперь будет моим любимым. Я вращу в него корнями так, что ни одна скотина этого мира не сможет выкорчевать меня оттуда.

— Поехали, деревце мое. — Смеется подруга, и мы идем собирать оставшиеся вещи. Я захожу в комнату. Тут витает цитрусовый аромат моей туалетной воды.

Со столика возле кровати я беру свой мобильный, кошелек и ключи, убирая все в сумку, и направляюсь к окну. Поднимаю взгляд на уже потемневшее небо, усыпанное как всегда множеством звезд. Завтра. Уже завтра я пойду на отбор. Это будоражит меня каждую секунду. Мой план все ближе и ближе к осуществлению. Но сегодня я хочу, как полагается отметить выпускной на полную катушку.

Мы заходим в помещение, в котором отдаем свои билеты. На входе стоит крупный мужчина в черной обтягивающей футболке и джинсах. Вид у него серьезный, и, не смотря на то, что это всего лишь охранник, я бы хотела, чтобы этот экземпляр разделся для меня. Словно услышав мои мысли, парень переводит на меня взгляд, а я в смущении закусываю губу и опускаю глаза, надеясь, что не произнесла это вслух.

— Боже, Кира, это всего лишь вход. Может, мы уйдем отсюда, пока ты не решила соблазнить всех парней еще в дверях?

— Нет! — кричу я, хватая ее за руку, уводя внутрь помещения, подмигиваю охраннику, проходя мимо него. — Сегодня девочки гуляют по полной!

Мы попадаем в огромный зал, коридором, к центру которого, служат барные стойки, с танцующими на них полуобнаженными мужчинами. Некоторые девушки потягивают коктейли или заглатывают шоты с горячительными напитками. Кто-то танцует, кто-то ласкает мужчин, пытаюсь куда-нибудь засунуть бумажные купюры. Кругом так и пахнет

сексом. Мимо нас проходят такие же раздетые мужчины-официанты, неся в руках бокалы с алкоголем и угощения. Лазерные лучи, диско шар и цветомузыка заполняют клуб разными красками, летая в воздухе, словно разноцветные мотыльки. Клубы дыма струятся по полу, медленно поднимаясь вверх, пропитывая всё легким сладким ароматом. Мои глаза без остановки бегают по всему вокруг. В такое место я попала впервые. Здесь нет стеснения. И уж если ты попал сюда, то надо быть таким же раскрепощенным.

Мы проходим к нашему столику, в центре которого, точно так же, как у всех, есть пилон. Располагаемся на мягком пушистом диване черного цвета, и нам тут же приносят две стопки и несколько долек лайма и лимона.

— Ну что, за твой выпуск и начало новой жизни! — говорит Эмили, поднимая стопку одной рукой, а второй насыпая на первую щепотку соли. Я делаю точно так же. — Лизнул, глотнул, укусил. Вперед, девочка моя!

Я, выдыхая, наклоняюсь к руке со стопкой, слизываю соль, которая заполняет мой рот, а затем заглатываю содержимое шота. Холодная жидкость обжигает мое горло, стекая по нему вниз. Но попав внутрь, заполняет все тело, разливаясь приятным теплом. Тут же закусываю долькой лайма. Кислота сковывает и обжигает всю полость рта, и я начинаю морщиться. Открыв глаза, я вижу, как Эмили смеется надо мной, а затем медленно тянется за лимоном и спокойно съедает дольку. Видимо она делает это далеко не второй или третий раз.

Подруга поднимает руку вверх и щелкает пальцами, привлекая к себе внимание официанта. Но звуки щелчков не слышны в ритмичной музыке, а мое тело непроизвольно начинает двигаться в такт.

Нам приносят стопки одну за другой. Но мне не уследить за количеством выпитого, поскольку пустые стаканы тут же уносят.

Уже очень много выпито, а щеки и пресс болят от постоянного смеха над забавными воспоминаниями.

Но тут возле нашего стола возникает мужчина. Я понимаю, что это танцор, потому что он почти полностью одет в неподходящий к этой обстановке костюм пилота. Я начинаю визжать от восторга, хлопая в ладоши, усаживаясь удобнее.

Парень указывает на меня пальцем и смотрит на Эмили, будто молча спрашивая ее: «Это она?»

Подруга активно кивает головой и улыбается мне. «Что они задумали?»... Я нервно тереблю браслет, подаренный мамой. Стараясь с ним не расставаться, я даже в это место надела его.

Парень протягивает мне руку. Я перевожу взгляд на подругу и снова на парня. Но он не выдерживает и сам хватается меня, выдергивая с места, закидывает к себе на плечо и уносит куда-то, но я не вижу куда. Надеюсь, что вид моей оголенной задницы, открыт не многим. Сквозь рыжие пряди я смотрю на предательницу-подругу, которая машет мне на прощание рукой, ехидно улыбаясь тому, что знает, что сейчас будет, а к ней подходит еще один танцор. Но тут ткань закрывается передо мной, отделяя меня от всех людей, оставляя наедине с незнакомцем. Он осторожно усаживает меня на что-то мягкое. Осмотревшись, я поняла, что мы находимся в уединенной комнатке для приватного танца. Черт! Ох уж эта Эмили.

Танцор начинает свое представление. Его медленные движения полны энергии. Расстегивая одну пуговицу пиджака за другой, он роняет его рядом со мной, оставаясь в белоснежной обтягивающей рубашке и черном галстуке. Снова закусываю нижнюю губу, желая поскорее увидеть его обнаженным. Я готова сама начать раздевать его. Но парень не

торопится снимать верх, вместо этого он берется за брюки и одним резким движением вперед сдергивает их с себя, оставаясь в одних тонюсеньких трусах, скрывающих его не малое достоинство. От неожиданности я даже закрываю лицо руками, смеясь своей же глупости и смущению, а затем раздвигаю пальцы, желая насладиться процессом сполна. Низ живота заполняется ощущением невероятного возбуждения, а клитор начинает пульсировать диким ритмом моего сердцебиения. У меня так давно не было секса, что я готова трахнуть этого красавчика, прямо здесь и сейчас. Но понимаю, что он просто танцует для меня и ничего больше. Под медленный ритм басов парень одну за другой начинает расстегивать пуговицы своей рубашки, а я не могу оторвать свой взгляд от его лица. Он словно гипнотизирует меня, приковав к себе невидимыми наручниками. Я не вижу, насколько он уже оголил торс. Наблюдаю, как он проводит кончиком языка сначала по верхней губе, а затем так же томительно по нижней, вызывая во мне еще более страстные чувства, граничащие с нетерпеливостью и бешенством, которые я готова ему продемонстрировать, если он не доставит мне удовольствие прямо сейчас. Моя грудь тяжело поднимается и опускается от глубоких вдохов. Его рубашка сползает по рукам на пол, а на груди продолжает болтаться галстук, к которому он тянется, ослабляя узел. Я прикрываю глаза, потому что не могу смотреть на это. Еще мгновение и мои собственные руки начнут ласкать себя. Но тут на своей шее я ощущаю что-то, что тянет меня вперед. Открываю глаза и вижу прямо перед собой его член, но, слава Богу, он все еще спрятан от меня под тонкой материей. Но мои руки так и чешутся, желая отогнуть резинку в сторону и насладиться видом стоящего члена. Но затем парень обходит кресло и становится за моей спиной, а его руки ложатся на мои плечи, начиная опускаться ниже. Приятные теплые руки, с возбуждающей хваткой блуждают на моем теле. Я отклоняю голову в сторону, оголяя шею, за что награждаюсь теплым трепетом его дыхания. Его губы обхватывают мочку моего уха, и я ощущаю, как кончик языка играет с самой чувствительной частью многих девушек, и я не исключение. Еле уловимый стон вырывается из меня, но я уверена, что даже сквозь громкую музыку он услышал его. Чёрт, я такая мокрая, и все внутри меня начинает сокращаться от возбуждения. Танцор становится на колени передо мной. Его руки оказываются на моих бедрах, поднимая край платья выше с каждым миллиметром. Черт, черт, черт! Неужели он не настроен останавливаться. Пальцы находят мой возбужденный комок и сразу начинают ласкать его уверенными движениями. Мое тело выгибается навстречу его руке. Разум затуманивается еще больше. Шум в ушах и голове становится каким-то далеким. Я делаю глоток воздуха. А затем еще и еще на каждое его движение. Он забрал меня из реальности и уносит куда-то далеко в облака. Туда, где нет ничего, кроме наслаждения. Но тут на моем клиторе я чувствую его мягкие губы. Нихрена себе! Я начинаю стонать и подвигаюсь еще ближе к его рту. Горячий язык выписывает круги. И те самые миллиарды звезд, которые я вижу каждый вечер в своем окне, теперь находятся здесь, со мной, и я вижу их везде, но они ярче, больше и разноцветнее. Волны возбуждения следуют одна за другой, и я чувствую, как балансирую на грани оргазма. Парень добавляет к языку палец, вводя его в меня, и я откровенно начинаю трахать его. Еще доля секунды и я кончу под натиском уверенных движений моего «пилота». Я резко распахиваю глаза, сжимаясь вокруг него, кончаю с бурным диким стоном, который без конца вырывается из меня. Но тут я вижу то, чего совсем не ожидала: за сдвинутой шторой за мной наблюдает пара глаз. В них одновременно читается удивление и возбуждение от увиденного. Но тот, кому принадлежат эти глаза, не отводит взгляда, не выходит из комнаты. Он просто смотрит. А я не могу оторвать глаз от

него. Я думала, что этот танцор гипнотизирует меня. Но я точно ошиблась. Я уже не понимаю, от чего я кончаю: от этих прекрасных глаз, которые наблюдают за мной, или от того языка, что блуждает внизу между моих ног. Этот парень просто смотрит на то, как я кончаю под действиями другого, широко расставив ноги. Его рука взлетает и запутывается в темных волосах, и после этого он выходит из комнаты, оставив меня вновь наедине с танцором. Я, тут же выдохшись, падаю назад, пытаюсь перевести дух, и закрываю рукой глаза. Твою же мать. Это было невероятно.

Пронзительный звон будильника вырывает меня из глубины моего сна, в котором я вижу глаза незнакомца, наблюдающего за мной везде. Голова пульсирует с похмелья, во рту ужасный вкус и меня мучает дикая жажда. Я медленно поднимаюсь с подушки. Скрывая лицо в ладонях, стараюсь укрыться от света и одновременно проснуться, но со стоном падаю назад. Мне очень плохо. Все мое тело требуют снова уснуть, и проснуться только тогда, когда все это дерьмо наконец-то пройдет. Нафига мы столько пили вчера? Раздается стук в дверь и в комнату входит Эмили.

— Привет, развратная девица, — улыбается она, присаживаясь на край моей постели и протягивает воду с таблеткой.

— Привет, предательская твоя душонка. Надо же тебе было оставить меня вчера наедине с этим сексуальным Богом кунилингуса.

— Ну, я не слышала, чтобы ты звала на помощь, — продолжает смеяться подруга. На что я чуть ли не рычу на нее:

— Потому что ты вообще ни хрена не слышала, лапая того блондина под оглушительную музыку. Боже, не разрешай мне так напиваться больше. — Сажусь и забираю у нее стакан с водой, закидывая обезболивающее в рот. — Вот как я сейчас пойду на этот отбор?

— Тебе поможет пара кубиков льда от мешков под глазами и первоклассный макияж от Эмили Дикенсон.

— Если эта Эмили Дикенсон еще и вытащит мою задницу из постели — ей цены не будет, — ворчу я, пряча лицо в белоснежных подушках.

— Ну, если твоя рыжая голова хочет продолжать находиться в той самой заднице, в которой она пребывала последние пять лет, то она может оставаться в постели, сколько ей вздумается. А я пойду вместо тебя и заполучу место среди стройных, высоких стюардесс и сексуальных пилотов, которые будут доставлять меня в разные точки Земного шара.

— Вот же стерва, — бурчу я, продолжая лежать головой вниз. — И как меня судьбинка с такой свела? — переворачиваюсь на спину, убирая рыжие растрепанные волосы с лица. — Вот знаешь ведь, как убедить. Медленно сползаю с постели и иду в душ.

Зайдя в ванную, первым делом смотрю на свое отражение. Косметика размазалась под глазами, образуя черные круги как у зомби. Копна рыжих волос напоминает гнездо для крупных птиц. Мда...

Стягиваю футболку, включаю воду, и встаю под расслабляющие струи теплой воды. У меня ощущение, что я вчера бежала марафон. Кости ломит, мышцы тянет, в голове словно долбят кувалдой, пытаюсь с каждым ударом вбить гвоздь сильнее и громче. Но с каждым мгновением, что я провожу в душе, я прихожу в себя. И открыв дверь ванной, пускаю пар в прохладный коридор нашей квартиры. Я чувствую себя бодрой, как обычно.

А мысль о том, что всего несколько часов отделяют меня от собеседования, добавляет адреналин в мою кровь, который дает свой результат, благодаря чему я похожа на реактивную, слегка обезумевшую ракету, не знающую за что взяться в первую очередь. Толи

мне выпить кофе, толи привести себя в порядок, толи подобрать одежду...

Сажу на кровати и смотрю в зеркало, висящее на двери моей комнаты. Но тут оно смещается и входит Эмили с кружкой дымящегося, свежесваренного, пробуждающего кофе, аромат которого сразу разносится по комнате.

— Держи, — протягивает мне белую керамическую кружку с моим именем, — а я пока займусь твоими волосами.

Делаю глоток горячего, сладкого кофе со сливками. Мягкий и тонкий вкус наполняет мой разум пробуждающей силой. Отчего все мысли возвращаются на свои полочки в моей голове. Эмили уже колдует с моими прядями, накручивая каждый локон на щипцы.

— Ты уже знаешь, что там будет? Что будут спрашивать? — интересуется она.

— Не представляю даже. Но я прочитала много материала, который наверняка может мне пригодиться. Вот, например: ты знала, что перед каждым рейсом придумывают специальное кодовое слово, известное только экипажу, чтобы в случае захвата воздушного судна или аварии можно было незаметно оповестить об этом капитана?

— Хм, интересно. А кто придумывает эти слова?

— Не знаю. Наверное, капитан.

— И правильно. Если дадут возможность тебе, то думаю, это слово будет «оргазм». — Подруга смеется, а я слегка шлепаю ее по ноге.

Эмили убирает мои локоны назад в красивый пучок из завитушек, открывая полностью мое лицо. Она настояла на том, чтобы сегодня мой образ больше походил на очаровательную стюардессу, чем на вчерашнюю развратницу. И в этом я полностью согласилась с ней.

Я подготовила для себя белую блузку на пуговицах с длинным рукавом, которую заправила в черные брюки, доходящие до щиколотки и чуть сужающиеся к низу. Обязательно каблук, но не высокие, как настаивала Эмили, а простые черные лодочки. И моим завершающим штрихом стала ярко красная помада «RubyWoo» от MAC. Подруга одолжила мне свои часы. Поскольку я не хотела расставаться с маминым браслетом, поэтому на другую руку надела более привлекающие взгляд DKNY из керамики. На самом деле они были очень просты на вид — абсолютно черные, с белыми цифрами и такими же белыми стрелками на фоне черного циферблата. Но выглядели очень элегантно. И мы подумали, что они очень хорошо дополняют мой образ. Не хватало только очков, и я была бы похожа на секретаря из какой-нибудь престижной конторы. Но нет, нет и нет. Я просто шла на отбор в стюардессы.

Без четверти четыре я подъехала на такси в назначенное место. Возле дверей было весьма оживленно. Кто-то стоял и обмахивал себя, чтобы было не так жарко, кто-то просто курил. Я бросила взгляд на часы, и, решив, что у меня еще есть немного времени, зашла в Старбакс за латте, чтобы немного успокоиться и занять чем-то руки. Я не хотела, чтобы все видели, что я волнуюсь. Обычно в такие моменты я начинаю всячески заламывать пальцы на руках, а так, я буду держать стаканчик, и наслаждаться ароматом. Зайдя внутрь помещения, я остановилась. Это был простой коридор, стены которого были увешаны тематическими картинами и фотографиями и покрашены в светлый цвет. На полу лежал кафель, в котором отражался свет ламп с потолка, делая помещение более светлым, и от которого вдоль всего этажа раздавался цокот каблучков девушек, пришедших на собеседование. Люди в форме авиакомпании мелькали среди кандидатов, выделяя их из общей толпы. Но народу было предостаточно. На первый взгляд не меньше 70 человек.

К нам вышел какой-то мужчина в форме компании и попросил всех, кто пришел на

отбор, проследовать за ним в кабинет. Эта была аудитория, напоминающая мне те классы, в которых я провела студенческие годы. Ничего особенного — парты, стулья, стол преподавателя и огромная доска. На столе уже лежали листы и ручки.

— Прошу всех присаживаться на свободные места. — Седовласый мужчина подождал некоторое время, пока в аудитории наступит тишина и продолжил. — Меня зовут Джей Уокер. Сегодня я проведу с вами первую беседу, а те, кто пройдут собеседование, будут видеть меня на протяжении двух месяцев на обучении. Все вы пришли сюда, чтобы стать бортпроводниками в нашей авиакомпании. Хочу сразу предупредить вас всех, что работа эта не самая романтичная, если только вы не считаете романтикой мытье туалетов и исполнение капризов пассажиров рейса. Практически весь месяц вы отсутствуете дома. Есть еще множество причин, по которым большинство кандидатов отсеиваются на этапе обучения, но я думаю, что если вы действительно четко решили стать бортпроводником и хотите летать, то вы преодолеете все трудности. — Некоторые девушки стали оглядываться по сторонам и мне показалось, что они уже не так сильно хотят оставаться здесь и сидят только из вежливости или неудобства встать и выйти. Я смотрю на лица некоторых. Кому-то так же интересно, как и мне, и их выдает счастливая улыбка. Кто-то что-то записывает. А кому-то совсем не интересно. Но самое главное, что я уже здесь. Сделала первый шаг. И не важно, сколько времени мне потребуется, чтобы летать. Я знаю, что могу и хочу этого

— Сейчас вам необходимо заполнить анкеты, лежащие у вас на столах. На заполнение вам дается 10 минут. Отвечать необходимо так, как вы чувствуете, а не так, как вы думаете, что нужно нам. После этого передаем анкеты с дальних столов на первый. Я собираю их, а дальше вас вызывают по одному человеку в кабинет, где вы будете проходить собеседование с психологом и еще несколькими людьми. Итак, время пошло и удачи всем.

Я открываю белые листы, лежащий прямо передо мной. Все довольно просто: фамилия и имя, дата рождения, дальше ассоциативные вопросы, как бы я поступила в той или иной ситуации без вариантов ответа. В конце просят нарисовать картинку, первую — пришедшую на ум. Все что я сейчас вижу — это маленький летящий самолет среди облаков, который направляется к улыбающемуся солнцу. Звучит и выглядит как-то не особо, но хочется передать радость в этом рисунке тем, кто его увидит.

Спустя 10 минут нас попросили собрать рисунки. Дальше за нами будут приходить, и вызывать нас на беседу. Девушка за девушкой уходила из комнаты, а в моей груди сердце отбивало чечетку, ладони предательски потели, а на щеках проступил румянец от волнения.

Выхожу из кабинета, чтобы найти кулер с водой, потому что я не могу даже сглотнуть. Делаю глубокий вдох и оглядываюсь по сторонам, но ничего связанного с водой я не вижу. Мимо проходит девушка, разглядывающая какие-то документы, и я решаю спросить ее помощи, на что она подсказывает и направляет меня в нужном направлении. Набрав воды в стаканчик, я бегом возвращаюсь обратно и на подходе к аудитории слышу свое имя.

— Кто такая Кира Диас?! — голос уже недовольный. Видимо не первый раз меня зовут, черт, а меня не было.

— Я здесь. Простите, заблудилась, — говорю я. На мой голос оборачивается вся аудитория, а вместе с ней и молодой человек.

Мое сердце перестает биться, и падает вниз. Этого просто не может быть! Я встряхнула головой, думая, что мне мерещится. Но нет. Разум притупляется, когда я снова вижу эти глаза, которые узнают меня. Мы смотрим друг на друга, и ни один не решается начать разговор. Меня бросает в жар, и тут же в холод. Я не понимаю, как реагирует мое тело. Толи

оно радо встрече, толи хочет провалиться от стыда. Ноги начинают слегка подкашиваться, и я сильнее сжимаю стакан в своей руке, отчего вода из него вытекает на меня. Черт!

— Вы мисс Диас? — спрашивает он, и его брови взлетают удивленно вверх.

— Да. — Уверенно отвечает мой голос, но вот разум кричит, чтобы я остановилась, наврала что-нибудь, и... бежать, бежать. Бежать подальше от этих глаз, которые преследуют меня. Всю ночь мне снилось, что он рядом. Следит за мной, куда бы я ни пошла, чем бы ни занималась. И вот сейчас он снова здесь, пробрался не только в мой сон, но и мечты. Сначала эта ненормальная Эшли преследовала меня в универе, теперь этот неотразимый брюнет здесь. Это просто невероятно! Пора завязывать с этим. Все что мне нужно, это пройти собеседование. Я не дам ему помешать этому. И плевать, что он видел меня, когда я получала свой оргазм в клубе. Значит он гей. Это ведь был стрипклуб для женщин. Да! Точно! Он точно гей. — Мы можем идти на собеседование? — спрашиваю я с большей уверенностью, выдыхая после такой шокирующей встречи.

— Да. Пройдемте.

Я пропускаю парня вперед, а сама следую за ним, стараясь не смотреть на него вообще. Но его аппетитная задница просто не может не броситься в глаза. Так бы укуси...

— Прошу сюда, — прерывает он мои мысли. Черт. Он что, всегда будет прерывать меня на самых горячих моментах?

Я вхожу в небольшую аудиторию, где сидит комиссия из трех человек. Брюнет садится на свободный стул. То есть он так же будет проводить опрос.

Начинается все с психолога, которая спрашивает раз за разом о том, готова ли я чистить унитазы, убирать рвоту, успокаивать пассажиров и искать компромиссы. Готова ли отсутствовать дома двадцать три дня в месяце, и быть все это время на работе. Я согласна на все, после жизни в университете я прошла через все возможные трудности. И думаю, научилась быть не конфликтной, не придирчивой.

Дальше я села к нему. Мой уже знакомый брюнет с любопытством разглядывает меня и смотрит мою анкету.

— Ну, что же, мисс Диас. Вы получили диплом о высшем образовании, чтобы стать официанткой на борту самолета? — смотрит на меня с вызовом. Что он задумал? Решил проверить у кого крепче яйца?

— Пожалуй, да. Видите ли, я считаю, что документ о высшем образовании — это пустая корочка. Самое главное сейчас — это опыт, которым ты обладаешь. Диплом не поможет тебе посадить самолет, а вот опыт наоборот. Диплом не даст тебе навыков выживания, а вот опыт да. Я считаю, что работа бортпроводника даст мне возможность отточить во мне стрессоустойчивость, научит разрешать конфликтные ситуации, здраво мыслить в тяжелых и критических ситуациях, угрожающих жизни. Если по всему этому можно получить диплом, то Вы можете подсказать мне, где такие выдают, и я не буду тратить Ваше время. — Я смотрю на него, с вызовом приподнимая одну бровь. Слышу за своей спиной задорный смех мистера Уокера.

— Пожалуй, Майк, я уведу у тебя ее. — Он поднимается со стула и встает за спиной брюнета, который сверлит меня взглядом. — Что Вы знаете о самолетах, мисс Диас?

— А что Вы хотите от меня услышать? Строение самолета, правила поведения на борту или что-то из истории?

— Расскажите то, что считаете нужным, на свое усмотрение. — Три пары глаз пристально смотрят на меня, ожидая того, что я могу им рассказать. В уме я перебираю все,

что читала о самолетах, пилотах, бортпроводниках и так далее. Но что применить сейчас? Самолеты летают против ветра, потому что так им проще взлететь? Нет не то. Что раньше роль бортпроводников выполнял второй пилот? Тоже ерунда какая-то.

— Знаете, я многое читала. Но думаю, об этом Вы можете рассказать мне и сами на Ваших занятиях. Самое главное, что я очень хочу работать на авиалиниях, чтобы люди чувствовали себя более комфортно и получали от полета столько же радости, как если бы смотрели на летящий в облаках самолет снизу. — Уокер переводит взгляд на Брюнета, а тот в свою очередь на мистера Джея.

Парень берет в руки ручку и ставит на моей анкете плюс.

— Что ж, мисс Диас, добро пожаловать в нашу команду. Надеюсь, Вы получите море удовольствия у нас, — слегка прищуривается. Он намекает на сегодняшнюю ночь. Засранец.

— Непременно. Простите, а Вы тоже будете преподавать?

Джей Уокер начинает смеяться.

— Нет, лапочка. Он умеет только со своим штурвалом обращаться. — Видимо Мужчина не понял двойственность этой фразы. Я старалась не расхохотаться прямо в кабинете, а желваки на лице Майка уже сводило от злости.

— Я — пилот, мисс Диас.

— Очень приятно познакомиться с тем, кто умеет ловко управлять штурвалом, — протягиваю ему руку для рукопожатия. На что парень берет ее слегка неуверенно, не ожидая этого от девушки. — А могу и я как-нибудь попробовать?

Его рука крепко сжала мою, я вижу, как его задела мои слова. Но он наклоняется ко мне, и чуть слышно говорит:

— Только если хорошо попросите, после окончания обучения. Видите ли, мой штурвал — это тонкая наука. Нужно все тщательно рассчитать. К тому же мой рабочий агрегат достаточно большого размера. — Он переводит взгляд на Уокера, который косо смотрит на нас. — Boeing 747, знаете ли.

Улыбка не сходит с моего лица, но я все же, старательно пытаюсь скрыть ее. Не знаю, как это выглядит со стороны, но я сдерживаюсь из последних сил, чтобы не прыснуть от смеха.

— Я непременно попрошу об этом, когда пройду обучение. Всего доброго. Рада была познакомиться.

Закрываю за собой дверь и облакачиваюсь на стену, выдохнув с облегчением.

— Да! — чуть слышно радуюсь. Все во мне готово кричать каждому человеку на Земле как я рада! Хотя это было довольно легко, но я все равно сделала это! И не важно, что там был Он. У меня получилось! — Да, да, да! — Сжимаю кулаки от восторга, но тут меня толкает открывающаяся дверь кабинета, и снова вижу эти глаза. Опять он, и его взгляд заставляющий меня пылать.

— Почему так тихо? Ночью Ваши крики восторга были гораздо громче.

Говнюк. Все-таки не упустил своего шанса подколоть меня. Есть в нем что-то от Эшли. Так и хочется залепить ему по самодовольной физиономии своей сумкой.

— Простите, как Вас зовут? Что-то не припомню.

— Майк. Майк Сандерс, — поправляет свой пиджак парень, уверенный в своей неотразимости. Видимо его пригласили, чтобы девушки решили, что все пилоты такие симпатичные и можно заарканить кого-нибудь.

— Отлично, Майк Сандерс. Я смогу кричать для тебя очень громко, когда ты будешь

трахать меня на высоте десяти тысячи метров над землей. А пока, ты просто консультант, который помогает в отборе. Ты не главный. Решаешь тоже не ты, как я поняла. — Подхожу к нему в плотную, прикрыв дверь кабинета его же спиной. Мой голос еле слышен, я говорю только для него, обдавая своим дыханием его шею и вдыхая его аромат. — Поэтому смотри, как бы ты не стал кричать слишком громко, когда в следующий раз надумаешь подколоть меня, а я возьму тебя за яйца, да очень крепко. — Беру его член в свою руку и слегка сдавливаю, чтобы он понял, что со мной лучше не играть. Он затаил дыхание, и зрачки его голубых глаз расширились за долю секунды. — А если будешь хорошо себя вести, — перебираю пальчиками его достоинство, начиная медленно гладить по набухающей длине в штанах, — возможно, мы сможем провести время очень хорошо. Но при этом твой рот должен быть закрыт так же, как сейчас. Мы договорились?

— Я подумаю над твоим предложением, — выдыхает он прерывисто, после того, как я отступила на шаг назад. — Не думаю, что второй пилот согласится покинуть борт, или кабину, — поправляет галстук, но взглядом так и сверлит меня. Он готов наброситься на меня прямо здесь.

— Мы что-нибудь придумаем. — Улыбаюсь ему и щелкаю по носу пальчиком, оставляя его стоять у двери с возбужденным членом в штанах. Я обожаю свое новое ампула. Характерная, дерзкая. Черт, этот рыжий цвет волос делает из меня дикую кошку. И мне это нравится.

Достаю из сумки телефон и набираю подругу.

— Алло, Эмили? Меня взяли! Представляешь? Взяли! Для меня открыта моя дорога и облака!

История вторя: "Мечты больше нет?"

Насколько сложно стать стюардессой? Все действительно не так легко и романтично. Не умеешь плавать — ты вылетаешь. Плохое зрение — ты вылетаешь. Ухудшилось здоровье — ты вылетаешь. На каждом занятии нас готовили к тому, что в полете может произойти чрезвычайная ситуация. потушить пожар — легко. Вернуть сердцу ритм — да, пожалуйста. Усмирить гневного и недовольного пассажира — на раз-два. Каждый день мы оттачивали полученные знания. Применяли их друг на друге. Были докторами, пожарными, спасателями, няньками, психологами, официантами, уборщиками и, конечно же, вторыми пилотами. Да, да! Все верно. Любой бортпроводник обязан уметь посадить самолет. И скажу я вам, несмотря на то, что после каждого учебного дня я либо еле волочила ноги, либо была нагружена, но я все равно смотрела в небо в предвкушении первого полета. И, конечно же, есть самый большой плюс — сногшибательные пилоты...

Глухой стук удара о стену вперемешку со стонами, заполняют коридор его номера. Громкие звуки поцелуев эхом отражаются от стен, возвращаясь к нам, приумножая чувство удовольствия. Пальцы моих рук впиваются когтями в рубашку на спине, желая разорвать ее в клочья. Запах его одеколona невероятно возбуждает, наполняя легкие сексуальным ароматом. Он поднимает меня за зад, до уровня своей талии, а я обвиваю его ногами, стараясь прижать парня еще ближе к себе насколько это вообще возможно. Дикая похоть, страсть, желание, агония и множество других чувств уносят нас от всех, разделяя только тонкой стенкой его номера. Горячие пальцы проникают внутрь меня, трахая уверенными толчками. Я расплываюсь и только яростнее впиваюсь ногтями в мужские плечи. Все внутри горит, желая вырваться наружу. Каждый вдох громче, глубже и прерывистее предыдущего. Начинаю поддаваться инстинктам и двигаюсь навстречу каждому новому движению руки.

Но тут все прекращается, и слышу звук растегающейся ширинки. А затем он входит в меня. Огромный, горячий, твердый и одновременно мягкий.

— О, Боже! Да! — вырывается из меня новый крик. Я хочу его. Трахать не останавливаясь, всю ночь и весь день напролет. Мне неважно все, что происходит вокруг. Слышат ли нас. Мне важно только то, какие я испытываю чувства от трения мужского члена. — Еще! — стону я при каждом толчке. — Сильнее! Пожалуйста, не останавливайся.

— Не останавливаться? — тихо рычит он возле моего уха.

— Не вздумай, твою мать, останавливаться.

— Как меня зовут? Хочу слышать свое имя, пока ты будешь кончать на мне.

Но я молчу. Наслаждаюсь этим возбуждением, что нарастает внутри меня. Я не знаю, насколько меня хватит. Жесткая хватка в моих волосах усиливается, и новый стон вырывается из меня.

— Я не слышу ответа! Хочешь закончить все это? — Нет, нет, только не это. Я же еще не кончила, но уже вот-вот я взорвусь чертовым вулканом оргазма. Резко открываю глаза и смотрю прямо в два синих океана.

— Майк. Майк Сандерс.

Неприятный звук. Откуда-то доносится неприятный звук, не дающий мне кончить и вырывающий меня с каждой секундой больше и больше куда-то дальше от него — голубоглазого брюнета. Я вновь открываю глаза и четко слышу справа сигнал будильника, растворивший мой сон окончательно. Яркий свет не дает мне открыть целиком глаза, и я, часто моргая, тянусь к источнику моего пробуждения, выключая его.

— Расскажешь, что это за Майк? — Черт! Адреналин в моем теле подскакивает моментально и я, повернувшись к подруге, смотрю на нее широко раскрытыми глазами, пытаюсь перевести дух.

— Господи, Эмили. Какого хрена ты тут делаешь. Напугала меня! — кладу руку на грудь, все еще пытаюсь отдышаться, а страх уже перешел в ноги, оставляя после себя щекотливое ощущение.

— О, подруга. Я даже из комнаты услышала твои дикие стоны. А когда вошла к тебе, чтобы узнать что случилось, то застала тебя извивающейся в кровати, — она ехидно улыбается и садится на кровать, облокотившись о спинку, потягивая ароматный кофе, — и стонущей имя Майка.

— Вот же черт! — падаю обратно на подушки, закрывая глаза и пылающее лицо руками. — Эмили, только не говори, что ты — вуайеристка.

— Да ну тебя. Я просто подумала, что что-то случилось, но ты просто кончала во сне. И всего то. — Эмили начинает смеяться, делая очередной глоток. — Расскажешь все-таки, кто это?

Я пытаюсь вспомнить о нем хоть что-то, кроме глаз цвета ясного неба.

— Впервые я увидела его, когда мы были в стриптиз клубе. И в тот момент, когда я стала кончать от языка того божественного танцора, в комнату вошел этот парень. И черт, меня это завело еще больше.

— Кто еще из нас с ним вуайерист, — смеется подруга.

— А потом встретила его еще раз, только на собеседовании. Он один из членов преподавательского состава и действующий пилот.

— Что ты сказала?! Преподаватель? — поперхнувшись, удивленно смотрит на меня. — То есть ты хочешь сказать, что на парах ты его видишь и вспоминаешь как кончала в клубе, а

он естественно вспоминает при виде тебя, как мужик лижет твою киску, пока ты сладострастно стонешь, извиваясь, как и пять минут назад?

— Вот именно. Эмили, эти глаза сведут меня когда-нибудь с ума. Я даже умудрилась его нарисовать. — Я поднимаюсь на постели, открываю выдвижной ящик на прикроватной тумбе и достаю рисунок Майка. Стараясь не смотреть на него, я протягиваю его Эмили.

— Черт, подруга. Видимо этот красавчик точно снес тебе крышу. Но я бы тоже с удовольствием трахнула его. Ты только посмотри на этот взгляд. От него я уже мокрая, — подруга переворачивает набросок карандашом ко мне, как бы заменяя свою голову его рисунком.

— Перестань, — выхватываю у нее листок и смотрю на него. Несмотря на то, что картинка черно белая, я все равно помню каждую деталь его внешности. Угольно черные волосы, голубые глаза, пухлые губы, которые так и хочется укусить или поцеловать. Сегодня я снова увижу его на занятиях. Спустя месяц изнурительных тренировок и лекций, мы дошли до этапа разбора самолета и полета, а главное управления им. — Все, мне нужно собираться. Не хватало еще опоздать на его первое занятие.

— Давай, давай. Смотри не кончи на лекции.

— Эмили, ты знаешь, что ты та еще сучка, — говорю я вслед уходящей из комнаты подруге.

— Слышала что-то подобное от стерв, которые не могут сравниться с таким ангелом как я, — останавливаясь в дверном проеме, язвит Эмили. Через два с половиной часа я стою возле здания American Airlines, формата open space, или же в простонародье — сделанного полностью из панорамных окон, тонированных зеркальным покрытием, которое создает ощущение, что здание состоит из облаков и верхушек деревьев, которые отражаются в больших прямоугольниках. Сквозь вращающиеся двери входят люди. Кто-то в форме, кто-то в простой одежде. Подходя к зданию, я всегда вспоминаю комедию с Гвинет Пэлтроу «Вид сверху лучше» и ее цель — «Париж. Первый класс. Международный». Моя же цель, по крайней мере на сегодня — «Кира, срочно собери свою голову в кучу, а сон и голубые глаза в корзину, нажимая на кнопку Delete». Уверенно захожу внутрь, и первое, что всегда бросается в глаза — огромная надпись под потолком: «Испытай один раз полет, и твои глаза навечно будут устремлены в небо. Однажды побывав там, на всю жизнь ты обречен тосковать о нем».

И я уверена, что это правда.

Сегодня, день сдачи экзаменов. Самый важный, сложный и страшный день в моей жизни. Я бы даже сказала, что он судьбоносный для меня. Я учила, заучивала, отвечала. Я знала все. Я просто не могу не сдать эти экзамены. В памяти всплывает первый день занятий с Майком.

Захожу в кабинет, в котором еще не была и останавливаюсь, вижу огромный ангар, в котором фюзеляж самолета разделен на 3 части. По виду это самый настоящий самолет, но так ли это — я не знаю. Рядом на полу стоят отдельные части, такие как: обшивка самолета и ряды с сиденьями, кухня, двери самолета. Все это тренажеры для нашего обучения, которое будет вести мистер Сандерс. Я оглядываю огромную аудиторию, по которой гуляют такие же ученики, как и я, осматривая все элементы. Но я просто сажусь в одно из кресел для пассажиров. Мне безумно хотелось все потрогать, пощупать, но старалась не вести себя как трехлетний ребенок, а с интересом продолжала разглядывать зал.

— Вам не интересно, мисс Диас? — его ледяной голос, словно обливает меня холодным

душем, и я резко поворачиваюсь к его обладателю. Глаза. Снова они. Такие чертовски сексуальные, манящие и желанные одновременно, сужены в ожидании ответа. Я облизываю моментально пересохшие губы.

— Интересно, мистер Сандерс. Просто я считаю, что у нас будет достаточно времени для изучения каждой детали в этих элементах, — указываю рукой на части фюзеляжа.

— Это верно. — Он смотрит на меня, не отрывая взгляд. Пристально и томно. Как в ту ночь — в клубе. Мне кажется, он помнит каждую секунду, проведенную в этой комнате с нами, как и я. Мои мысли перемешиваются в голове, но я понимаю, что безумно хочу его. Мои ладони вспотели, лицо начинает пылать, а дыхание становится более глубоким. Внутри, где-то в груди, как будто что-то щекочет, трепещет и распространяется по всему телу приятным ознобом. Черт, мне нужно провести с ним два месяца здесь, но я не знаю, как сдержаться сейчас. — Так, все ко мне, — обрывает наш контакт Сандерс, хлопая в ладоши, чтобы привлечь внимание учеников. — Это будут не самые простые для вас два месяца. Вам нужно знать все. Как открыть дверь, как выпустить трап, и даже как посадить самолет. Всё это может спасти жизни пассажиров. Все действия мы будем отрабатывать до автоматизма. Ситуации будут различные. Поэтому не отвлекаемся, слушаем, думаем, запоминаем и обязательно задаем вопросы. Если у вас нет вопросов, значит, вы рискуете жизнями людей, потому что я точно уверен, что с первого раза ничего не усвоится. — Он обводит взглядом каждого из учеников. — Вам все понятно?

— Да. — Дружно отвечаем.

— Итак, начнем с самого элементарного. Как вы считаете, почему самолет может упасть?

И тут, как нельзя, кстати, я вспоминаю свой самый обожаемый сериал — «Теория большого взрыва».

— Отвечая словами Шелдона: «Ах, гравитация, бессердечная ты сука». — Аудиторию заполняется смехом всех присутствующих, тех, кто знает сериал, или тех, кто понял юмор. Даже Майк улыбается, и я поняла, что не сглупила.

— Ну, без этого никуда, мисс Диас. Очень здорово, что у Вас есть чувство юмора. Это может разрядить сложную ситуацию. Но здесь это неуместно. Я требую от вас полную отдачу. — Пауза. Длительная. — Если говорить серьезно? И не брать в расчёт то, что у нас технические неисправности на борту, или пилоты недееспособны? Что может стать причиной падения или кружения самолета?

— Паника? — неуверенно отвечаю я, осматривая всех.

Паника. Именно ее я ощущаю в данный момент, цокая каблуками по мраморному полу. В каждом шаге. В каждом движении. Все тело словно натянутая струна. Воздух кажется прохладным, заставляя меня дрожать. До начала экзаменов остается полчаса, и я ищу место, чтобы сесть и еще раз вспомнить все самое основное из материалов. От Эмили приходит смс: «Удачи, малышка. Сделай это». И я сделаю.

— Мисс Диас, — растягивая каждое слово, направляется ко мне Сандерс. — Снова Вы Ну как, готовы покорить нас своим эрудированным мозгом и стойким характером?

Ухмыляясь, я встаю со скамьи, направляясь в его сторону. Только сейчас поняла, что села рядом с его кабинетом. — Конечно, Мистер Сандерс. А у вас еще остались поводы усомниться во мне?

Открывая дверь кабинета, Майк смотрит на часы, а затем на меня, жестом руки приглашая войти: — Кофе?

Да, от кофе я бы сейчас не отказалась. Мне необходимо приободриться и разложить все по полочкам в моей голове и памяти.

— Да, если можно. — Прохожу внутрь.

Я была здесь один раз, когда чуть было не сорвала его занятие в очередной раз. Каждый раз я видела в его взгляде укор и желание одновременно. Он хотел меня, и параллельно ненавидел это. И на уроках мы пытались оба блеснуть остроумием: я шутками, а он фактами. Эти бесконечные стычки забавляли других, но не меня. Я уставала от этого. Мне хотелось получать знания и идти к своей цели, но я не могла. Каждый раз при виде его, моя душа летела к нему, желая трахнуть прямо на этом месте. Эти глаза преследовали меня здесь и дома, во снах. Это было пыткой. Но сегодня все должно закончиться. Я сдам все эти долбанные экзамены и не увижу его больше. Ну, может пару раз в рейсах, где он будет за дверью- такой прочной, что наверняка сдержит мой сексуальный порыв.

— Как думаете, справитесь? — спрашивает Майк, разливая по кружкам кофе.

— Я уверена, что все пройдет превосходно.

— Вы настолько самоуверенны, что это видно издали невооруженным глазом. И как Вас только в школе терпели? — смеется он, подавая ароматный напиток.

— Никак. Еще в университете я не была такой, как сейчас. Я вообще старалась не высовываться. Меня раздражали все эти показушные люди.

— И что же произошло теперь? — встает напротив меня, опираясь о стенку спиной, делая глоток.

— Ничего.

— Ничего? — усмехается. Лицо озаряет эта божественная улыбка. — Вы давно смотрели на себя? С первого же дня Вы взяли меня за яйца. Сначала в клубе, показывая, что Вам абсолютно плевать, что я смотрю на Вас. Затем здесь, причем в самом прямом смысле. Вы сравнимы с теми школьными выскочками. И на каждом занятии старались продемонстрировать это.

— Просто, мистер Сандерс, я хотела, чтобы при сдаче экзаменов учитывалось, что я действительно знаю.

— А Вы действительно знаете, Кира? Мне порой думается, что Вы умеете опускати только свои дурацкие шуточки. Никакой серьезности. Приходите сюда самоутвердиться. — С каждым словом это злило меня, раздражало, бесило. Его лицо не выдавало больше никаких эмоций, только прищур. А я была накалена до предела.

— Ты ошибаешься, — резко встаю, направляясь в сторону двери. — Я сдам эти экзамены. Сегодня. Чтобы ты выкусил. Да и вообще, пошел ты со своим мнением.

— Вот видишь, — смеется в ответ. — Ты не сдашь. Стюардессы не могут быть такими агрессивными, если их выводят на это. А ты ведешься. Подумай об этом. Если комиссия не увидит это, то я приложу все усилия, чтобы показать им, какая ты.

— Меня выводил только ты, со своей идиотской ухмылкой.

Майк ставит кружку на стол, и подходит ко мне, преграждая путь. Одну руку он кладет на ручку дверцы, а второй опирается на дверь, возле моего лица, приближаясь очень близко.

— Если только я так на тебя влияю, может мне стоит научить тебя держать себя в руках? — шепчет, тихо на ушко, обдувая дыханием. Я ощущаю аромат его одеколona и не могу не вдохнуть его. Прикрываю глаза от наслаждения, а фантазии уже блуждают где-то далеко за пределами реальности. — Давай... — нежно прикусывает мочку уха. Я готова кричать, но контролирую свои руки, и губы. — Я научу тебя держать себя в руках. Это будет

полезно для тебя. Я вижу в тебе огонь, самоуверенность, которую тебе хочется показать. Тебе не справиться самой с этим дерьмом. Ты ошибешься в любой момент, и это может стоить тебе карьеры. Я понял, что для тебя эта работа важна больше, чем для других. — Он отходит от меня, протягивая мне руку. — Идет?

Я смотрю на него, абсолютно не понимая, что он хочет от меня. Научить держать себя в руках? Ни хрена, судя по последним минутам просто залезть мне в трусы.

— Пошел в жопу! Учи кого-нибудь другого, — отпихиваю его от себя и выхожу из кабинета. Быстрым шагом я направляюсь к аудитории, в которой должны проходить экзамены.

— Удачи, Диас! — кричит он, на что получает мой коронный жест, специально приготовленный для него уже по традиции — средний палец.

Какого хрена он там себе вообразил? Я неуравновешенная? Не гожусь на эту должность, потому что вспыльчивая? Ох, блять, надеюсь, этот кретин не станет заваливать меня.

Я захожу в класс, в котором все уже сидят за отдельными столами. Перед каждым лежат конверты с тестом внутри. По аудитории разносится звук щелкающих ручек и стучащих о парту карандашей. Напряжение витает в воздухе. Сажусь на свободное место, ожидая начала. Минуты тянутся одна за другой, а в кабинете становится душновато.

— Ну, что. Сегодня важный день для каждого из вас, — входит в кабинет мистер Уокер, — вы должны выложиться по максимуму. У вас есть ровно один час. Команды об окончании не будет. Вы всё должны контролировать самостоятельно. Если кто-то из вас опоздает хоть на минуту, то тесты не принимаются. До указанного времени жду ваши работы на этом столе, — указывает на стол возле выхода. — После этого вы покидаете кабинет, и как только соберутся члены комиссии и проверят ваши работы, мы будем вызывать вас для оглашения результатов. Те из вас, кто не прошли тест, могут пересдать его повторно через полгода. Те, кто сдаст тест, продолжают экзамен. Далее мы уже объясним, что будет вас ожидать. Вопросы? — В кабинете тишина, все только отрицательно машут головами. — Отлично. Желаю всем удачи. Можете приступать.

Я вскрываю конверт. Десять листов. На семи из них вопросы в виде теста, на восьмом задание: описать три положительных качества в работе бортпроводника и три отрицательных, при этом, в графе отрицательных нельзя ничего не писать. Строго три пункта. Вот же дерьмо. В этом задании сплеховать нельзя. Минусы могут обернуться против меня и нужно хорошенько все продумать.

Я начинаю с теста. Один за другим я даю правильные ответы. Я даже не задумываюсь над ними, потому что знаю. Все доведено до автоматизма. За три месяца из нас сделали роботов, которые будут четко знать, что делать в той или иной ситуации, и без разницы как ты себя чувствуешь. Изредка я смотрю на часы, висящие на противоположной стене. Боже, мне кажется, что минутная стрелка сравнима с секундной и движется с рекордной скоростью, стараясь сократить отведенный для нас час. Я заканчиваю с тестами и перехожу к последнему заданию: «Что мне нравится в работе стюардессы?» Первое — общение с людьми. Второе — стюардессы универсальны. Есть теория, что бортпроводники обладают сотней различных профессий. Третье — активность.

«Что мне не нравится в работе бортпроводника?» Я отвожу карандаш в сторону и откидываюсь на спинку стула, переводя взгляд сначала на часы, а затем на окно. У меня есть еще 20 минут, чтобы решить этот вопрос. У меня нет негативных мнений об этой профессии, по крайней мере пока. Хочется написать то, что не приведет комиссию к выводу, что я не

годна. А тем более, чтобы Майк оказался прав. Майк, Майк, Майк... Долбаный козел. Хотя и очень аппетитный. Ай, все, хватит о нем думать!

Но из головы так и не выходит наше первое занятие с ним: «Ну, без этого никуда, мисс Диас. Очень здорово, что у Вас есть чувство юмора. Это может разрядить сложную ситуацию», — звучит его голос воспоминанием в моем подсознании. Юмор. Точно! Юмор!

Что мне не нравится в работе бортпроводника? Первое — раннее появление морщин на лице из-за постоянной улыбки пассажирам. Второе — мнение, что стюардессы это официантки. Третье — это конец долгожданной мечты многих людей. Дальше начинается работа и цель достигнута.

Я перечитываю все, что написала. Проверяю правильность ответов и смотрю на часы. До конца остается еще 10 минут. Встав, я направляюсь к столу у выхода, чтобы сдать тест, и все сидящие тут же поднимают головы, провожая меня взглядом. Кто-то с завистью, кто-то с укором и презрением. Но мне плевать.

Я всегда старалась быть милой и дружелюбной, несмотря на все шепоты за моей спиной. «Неважно, насколько тебе неприятен человек. Не нужно показывать этого. Будь выше», — говорила мне Эмили каждый день в начале дня, который мне нужно было провести в университете, принимая на себя новые гадости. Именно так я и поступала, поступаю и буду поступать всегда.

Через сорок минут, мы дружно обсуждаем свои тесты друг с другом, нервничая, ожидая итогов. Жутко трясёт все тело в предвкушении итогов. Одна девушка облокотилась на парту руками и положила на них голову. Судя по нашим разговорам, она понимает, что не пройдет дальше. Кто-то нервно смеется, чтобы скрыть переживания, кто-то вышагивает, чтобы унять дрожь. В кабинете становится душно с каждой ожидаемой минутой. Минутная стрелка уже несравнима с секундной, скорее, наоборот — с часовой. Дышать становится все труднее, в горле пересохло. Шумно отодвинув стул, я встаю и направляюсь к кулеру за водой, но тут открывается дверь в кабинет и входит мистер Уокер. Нервно сглотнув, я смотрю то на него, то на лист в его руках.

— Итак, — начинает пожилой мужчина, — напоминаю, что те из вас, кто не прошел сегодняшней отбор, могут повторить сдачу через полгода. — Сердце бешено стучит в груди, руки трясутся, в горле словно пустыня. А в кабинете, в котором еще пару минут назад было невыносимо душно, стало резко холодно. — Чьи имена я назову — прошу на выход. Рейчел Стюарт. Мишель Грин. Сьюзен Макларен. — Фамилии и имена сменяли одна другую, и я видела, как менялись лица этих людей. Печаль, злость, непонимание. Сьюзен вышла из кабинета, вытирая непрошеные слезы. Я видела ее сияющие глаза, когда она сумела вытащить огромного парня по имени Стен из бассейна на плот, при упражнении. Она вкладывала всю себя. Но это было сложно принять. С каждым новым человеком из списка, нас становится все меньше и меньше в кабинете, и я молюсь, чтоб не услышать свою фамилию. Я умоляю Бога, скрестив пальцы на руках и надеясь, что моя верная подруга покрывает меня трехэтажным матом. — И Кира Диас. Кира Диас. Кира Диас. Мое имя звоном отдается внутри моей головы, словно я колокол, по которому ударили. Стою. Не двигаясь. Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Черт. Черт, все провалилось! Меня резко перестало трясти и накрыло волной без эмоциональности. Хотя нет. Мне хочется орать. Кричать настолько громко, чтобы все поняли насколько это больно для меня. Насколько это важно для меня. Я никогда не хотела ничего настолько сильно, как эту работу.

Моё отчаяние сменяется гневом, злостью, и начинается новая порция содрогания всех

участков тела одновременно. Оставшиеся смотрят на меня, но я все так же стою, опустив руки, и до конца не могу поверить в происходящее — я в пролете. Даже не просто в пролете, я в жопе! Глубокой. Поднимаю гневный взгляд на ребят, сидящих за столами. Как могут они остаться здесь и занять мое место. Хочу разорвать, порвать, растоптать их всех! Похер на манеры.

— Кира, прошу, выйди в коридор. Не задерживай других, — говорит мистер Уокер, указывая рукой на дверь. Одарив его гневным взглядом, я делаю шаг по направлению к выходу, но ноги, словно два огромных многотонных камня. Выйдя в коридор, все стоят организованной группой возле Майка Сандерса. Дерьмо в квадрате. Только его еще не хватало, посмеяться надо мной. Его идиотская улыбка уже сияет, словно он одна из этих фотомоделей из модных журналов. Слащавая и наигранная.

— Ну, вот и последний, — начинает он. — Ну что, неудачники. Это были тяжелые три месяца в вашей жизни. Но хочется отметить работу и отдачу каждого из вас. Именно благодаря этим качествам... Вы проходите дальше.

— Что? — шиплю я сама себе под нос, неверя тому, что он говорит. Толпа учеников оглушает криками весь коридор, ликуя, радуясь. — Пройди дальше. — Снова повторяю это для себя, уже более уверенно. — Твою мать, пройди. Да. Я же знала!

— Поздравляю, Кира, — говорит Сандерс, подходя ко мне. — У тебя самый лучший результат. Хотя клоунада была лишней в ответах, но она всем понравилась.

— Спасибо.

— Ты ведь понимаешь, что это еще не все. И на следующем этапе тебе будет не сладко. Уж я то постараюсь.

— Потому что ты мудака, каких еще поискать нужно. Что тебе вообще нужно от меня? — наклоняюсь чуть ближе, чтобы остальные ребята не слышали нашу «дружескую» перепалку. Хочется залепить ему оплеуху прямо здесь, но я сдерживаюсь, как могу.

— Всего лишь показать, что ты не та, кем себя считаешь. Ты дикая кошка, которая пытается скрыться под маской маленького котенка. Но я могу научить тебя найти эту золотую середину. А сейчас ты кидаешься из крайности в крайность. — Отходит от меня. — Прошу всех пройти в тот кабинет, — указывая рукой на открытую дверь, обращается Сандерс к ученикам, но потом снова возвращается взглядом ко мне. И в его глазах я вижу огонь, страсть. Его забавляют эти разговоры. — Ты и сама знаешь это. Ты слишком вспыльчивая. Я тоже был таким. Нам есть, что обсудить. А если надумаешь, то... — протягивает мне свою визитку, разворачивается и входит в кабинет, в котором нас уже ожидает толпа радостных студентов. А я смотрю на маленькую белую картонку с рисунком синих крыльев авиации. «Майк Сандерс. Пилот — Инструктор». Так же указаны контактные телефоны, и адрес.

Через час, когда нам рассказали о проведении второго этапа сдачи экзамена, я стояла в коридоре, ожидая своей очереди. Каждый, кто выходил из кабинета, делился эмоциями и рассказывал, что там было. Кто-то должен был потушить огонь. Кто-то должен был восстановить ритм сердца пассажира. Кому-то пришлось общаться с пассажиром, не говорящем на английском, пытаюсь объяснить, что водку в эконом классе не подают даже для смелости. Все это не раз оттачивалось, записывалось и повторялось на занятиях. Но все равно некоторые не справлялись с задачей. Настал мой черед, и я вхожу в тот самый ангар, с самолетом. Комиссия сидит на пассажирских сиденьях, а на тележке лежат билеты с заданиями. Я выбираю, водя пальцем над аккуратно разложенными листами, тот, который будет моим. И тяну.

«Вы летите международным рейсом. На вашем борту оказался дебошир, который изрядно выпил, пронеся алкоголь маленькими порциями на борт. Он требует, чтобы ему разрешили закурить в туалете. Перед данным пассажиром сидит семья, с маленьким ребенком, который начинает плакать. Вся обстановка вызывает недовольство остальных пассажиров. Ваши действия?»

Ух. Вот это задачка. Я вдыхаю. Отдаю лист с заданием Майку.

— Отлично. Итак. Я твой разъяренный пассажир. Элизабет и Уокер будут семьей. У тебя есть 5 минут на выполнение этого задания. Времени на «подумать» нет. Поехали.

И тут Майк начинает очень правдоподобно исполнять свою роль, шатаясь между рядами, задевая своей задницей сидящих членов комиссии, которые должны были исполнять роль пассажиров. Эмили активировала нашего малыша, который начал издавать звуки плача на весь ангар, эхом отражающегося от стен, на что естественно Уокер, как порядочный отец просит Эмили уговорить ребенка, и утихомирить Майка.

— Девушка, я Вам что говорю. Я хочу курить. Лететь еще восемь часов. Да я подохну тут.

Ну что ж, поехали: — Сэр, я понимаю Ваше желание, но, к сожалению, это невозможно сделать на борту. Прошу Вас сесть на свое место.

— Да кого ты там понимаешь. Я тебе говорю — курить хочу!

— По правилам всех авиакомпаний это запрещено на борту самолета. Вы должны понимать угрозу не только себе, но и окружающим.

— Да плевать я хотел. Думаешь самая умная здесь? — блин, он начинает меня бесить. Уокер пытается влезть в наш разговор, чтобы помочь уговорить его, но этого тоже нельзя допускать, чтобы не создать накаленную ситуацию. Поэтому я даю понять Уокеру, что решу проблему сама, но тот говорит что-то о плачущем ребенке.

— Сэр, если Вы не успокоитесь и продолжите мешать остальным, то я буду вынуждена предпринять меры.

— Да какие еще меры? Что ты можешь? Ты никто. Захочу и прямо тут закурю. Пассажир всегда прав. — В этот момент Майк имитирует, что достает пачку сигарет и вставляет одну в рот. Я знаю, что еще слишком рано для этого. Но думаю, что Майк так просто от меня не избавится. Он будет делать все, чтобы дружелюбная улыбка, которая была на мне с того момента, как я зашла сюда, сменилась гневом или срывом. И мне хотелось. Ужасно хотелось наорать на него. Послать как обычно. Но нельзя. Тем более, сейчас. Хотелось просто ему врезать. Поэтому я делаю одну не запрещенную вещь. Начинаю поворачиваться к нему спиной и моментально оборачиваюсь обратно, ударяя его ребром ладони по подбородку. От этого Майк падает на Уокера. Уокер смотрит то на Сандерса, то на меня, а затем начинает хохотать, а за ним и вся остальная комиссия. Майк потирает место удара, абсолютно не ожидая, что я осмелюсь его применить. Обычно все решается словами, и я должна применять этот способ строго в критических ситуациях. Эту же можно было решить словами, будь на этом месте простой пассажир. Но не Майк. Он бы просто не дал этого сделать. Тем более я показала, что могу это сделать, если потребуется, и даже глазом не моргну. Так ему.

— Кира, на самом деле, ты должна понимать, что это самая крайняя мера, и применять ее постоянно нельзя.

— Я понимаю, — отвечаю я Джею. — Но Вы же знаете, что он бы не остановился, пока не довел всех пассажиров и членов экипажа до седых волос. Поэтому решила не терять зря

время, и показать, что если необходимо, то смогу и к таким мерам прибегнуть.

— Это все хорошо, ты действительно большая молодец, что не боишься дать по морде этому зас... Майку, — оговаривается Уокер, — но и конфликтный пассажир не всегда сможет успокоиться, желая отыграться на тебе по полной. Тебе нужно держать себя под контролем всегда, каждую секунду, что ты проводишь на борту самолета. Но в целом, я видел все три месяца, как упорно ты старалась показать все, на что способна. И лично я говорю тебе да! — улыбаясь, проговаривает седовласый инструктор. Его глаза тоже выдают счастливый огонек во взгляде. Добрый и теплый. Я словно масло, таю под прямыми лучами солнца, растекаясь от его слов и решения.

— Да! — Слышу тоже самое от других членов комиссии. Твою мать ДА! мои глаза наполняются новой порцией слез. Радостных, веселых. Мне все так же хочется кричать, но уже от счастья. От того, что я смогла это сделать. Пройти через огонь и воду к своей цели. Это незабываемый момент в моей жизни. Хочу запомнить каждую деталь: улыбающихся членов комиссии, Уокера, который протягивает мне сертификат стюардессы, и глаза... Голубые глаза Майка, которые улыбаются искренней улыбкой за меня. Я хватаю сертификат и уже не могу сдерживать своих эмоций. Слезы стекают по щекам, а я хватаю Джея Уокера в свои объятия.

— Боже, спасибо. Спасибо вам всем! — отпускаю его и обнимаю Элизабет. — Вы такие замечательные. Без вас я бы не справилась! Вы самые лучшие и незабываемые педагоги во всем мире. — И самым последним я обнимаю Сандерса. Но поскольку я выдала такой длинный монолог, то весь воздух вышел из моих легких и я вдыхаю полной грудью его аромат, который вызывает во мне головокружительные эмоции. Все тело содрогается от всхлипов радости и счастья, которое как солнышко проникает в мое тело, согревая его не сверху, а изнутри, заполняя все пустоты. — Вы не представляете, как это важно для меня. Как воздух.

— Итак, Кира, ты действительно заслужила это. — В этот момент Джей протягивает мне небольшую книжку с твердой корочкой темно синего цвета, на которой золотыми буквами написано «Сертификат бортпроводника». Я тянусь к ней дрожащими руками пытаюсь осознать, что это действительно происходит. — Но повторяюсь еще раз. Тебе нужно стать еще более милой и дружелюбной. Не стоит ломать всем недоброжелательным пассажирам подбородок. Поработай над этим. Попроси, чтобы твои друзья доставали тебя при любой возможности, и старайся отработать с ними. Это пригодится тебе в воздухе, чтобы лишней раз случайно не навести панику на борту. Мы договорились? — Я перевожу взгляд с заветного документа на Джея, а затем на Майку, который говорил мне ровно тоже самое, предлагая помощь. Он что, видит меня насквозь и желает помочь? Его взгляд словно две обжигающие льдинки: прозрачно-голубой, словно охлаждающая вода в нетронутой людьми бухте, и горячий, как обжигающий песок нагретый солнцем. Не знаю на счет помочь, но явно он хочет. Я это чувствую, и то, что он сделал в кабинете, говорит об этом с точностью на сто процентов. Он меня точно хочет. От этой мысли я улыбаюсь, и на моих щеках появляются ямочки. Потому что уж я бы точно не отказалась уложить этого красавца на лопатки и наслаждаться им всю ночь. Тем более, как только я возьму в руки эту синенькую корочку, то автоматически я больше не его студентка, а он не мой учитель. Мы будем просто двумя взрослыми людьми, которые могут насладиться диким трахом на одну ночь, и разойтись своей дорогой. Иначе взгляд этих кристаллов небесного цвета будет сводить меня с ума до конца дней моих.

— Да, я буду работать над собой каждый день и каждый час, — все еще не сводя глаз с Майка, говорю я и прикусываю нижнюю губу.

— Вот и отлично. Поздравляю тебя с успешным выпуском. С тобой свяжутся сегодня или завтра, чтобы назначить первый полет и выдать график работы на этот месяц. Добро пожаловать в AmericanAirlines. А теперь бегом получать форму. — Отдает мне сертификат и пожимает руку крепкой хваткой, улыбаясь такой же улыбкой, что и я.

Я выбегаю из кабинета, светясь от счастья, вызывая следующего кандидата. Эти чувства восторга так сложно описать. Словно у меня выросли крылья, и я мчусь на всех парах вверх, не желая приземляться на землю. Хочу, чтобы все знали, что у меня все получилось. Конечно же, первым делом набрала Эмили, пока бежала в Прачечную получать форму. Услышав пронзительный визг в трубке на мою новость, я поняла, что сегодня нас ждет горячий вечер в компании бутылочки «Дом Периньон».

Униформа была темно синего цвета, включающая в себя две юбки, одну пару брюк, два пиджака, пилотку и две белоснежные рубашки. Два ярко красных платочка, служили основным атрибутом во внешности. И, конечно же, крылышки с двумя АА. Это не была одежда от Кутюрье, но она была практичной и удобной. Тем более, создать свой элегантный образ мы просто обязаны косметикой. У нас даже входило это в обучающую программу. Неважно, сколько вы на ногах — пять минут или двенадцать часов. Мы должны выглядеть, словно только что накрашились и сделали прическу.

Парящей походкой я покидаю ученый центр и направляюсь домой, пытаюсь поймать свободную желтую машину с характерными для такси черными шашечками. Сейчас самый час пик. Люди вышли на улицу из душных офисов, чтобы поскорее добраться домой. Кто-то к семье, кто-то к кошке или собаке, а кто-то к своей любимой подруге, которую хочется еще раз обнять, за то, что она прошла весь этот путь со мной еще раз. Хотя у нас с ней разные родители, но это не мешает нам быть сестрами. Она мое все.

— Ну что, значит завтра первый рейс? — спрашивает Эмили, и от неожиданного звука открываемой ею бутылки шампанского, я вздрагиваю.

— Да. Нужно быть в аэропорту к шести вечера, — мечтательно говорю я, достав из шкафа для бокала. Мы накрыли небольшой праздничный стол из Шампанского, сырных канапе и прочих закусок. Но наш стол был накрыт на балконе. Мы вытащили туда журнальный столик и два стула, положив на сиденья большие подушки и прихватив пледы. На карниз поставили свечи в прозрачных баночках, чтобы их не задувало вечерним теплым ветром, и расположились встречать закат, который мы могли увидеть только в нашей голове, поскольку дома в Бруклине были невысоки, но достаточно плотной постройки.

— А что этот Майк? Больше не лез к тебе, кроме кабинета? — спрашивает Эмили выходя на балкон.

— Нет. Если только в мечтах, мысленно пожирая меня своим раздевающим взглядом, — хихикаю я и делаю глоток.

Мы хохотали весь вечер, вспоминая забавные истории. Размышляли о будущем. Делились различными впечатлениями, и подруга естественно давала мне наставления: фотографироваться со звездами и просить для нее автографы, найти ей богатого и красивого мужа, и как минимум всегда возвращаться домой со словами: Ну что, сучка, не ждала? А вот и я! Твоя рыжая бестия спустилась с небес на землю!

— А крылышки дали? Ну, знаешь, такие как у всех пилотов, — она показывает руками на то место, куда они крепятся на груди.

— А, да, — мечтательно улыбаюсь ей.

— И все еще не показала?

— В сумке. Только положи потом назад! Не хватало еще забыть их! — кричу я вслед убегающей в квартиру Эмили.

— Они прекрасны, — слышу ее восторг. — А мне найдешь такие же?

— Сомневаюсь. Но я могу предложить пройти через весь ад школы стюардессы и заполучить крылышки, автографы и фотографии самой.

— Я вот только одного понять не могу, — возвращается она, держа что-то в руках. — Какого хрена ты сидишь здесь со мной, а не проводишь время с этим жеребцом, рисунок которого лежит в твоём ящике? И ты не говорила, что умудрилась раздобыть его адрес. Какого черта, Кира?

— Заткнись и отдай сюда, — выхватываю из ее рук визитку. — Потому что я хочу провести этот вечер с тобой.

— Мда. Как две старухи в парке. Подруга. Ты должна была послать меня ко всем чертям и удивлять его соседей самыми непристойными звуками и фразочками.

— Я не уверена, что он действительно ждет меня, после того, как я врезала ему по морде сегодня, — морщусь, вспоминая мощный удар по его челюсти, и потираю руку, которая немного болит.

— А ты и не узнаешь, пока будешь плесневеть здесь со мной, — Эмили замялась и я посмотрела на нее. На ее лице появилась извиняющаяся улыбка.

— Что происходит, Эм? — шурясь, смотрю на нее.

— Ко мне должен Сэм прийти.

— Ах ты развратная потаскушка! И ты хочешь избавиться от меня, чтобы самой стараться пробить окно в стене к нашим соседям с помощью спинки кровати? Почему раньше не сказала?

— Ну, ты была так рада и я тоже очень рада за тебя, и просто не могла тебе отказать. Поэтому вместо того, чтобы слушать мою оргию, я предлагаю тебе принарядиться посексуальнее, и отправиться к нему.

В моей голове снова возникает его образ и сцена из его кабинета, как он шептал мне на ухо, заставляя мое тело хотеть его. А потом он прикусил мочку уха, что моментально отозвалось внизу живота моментально. А потом эта картинка сменилась другой, из моего сна. Где он трахает меня в своем коридоре. Я хотела его, как никого другого. Его губы на моем теле, зубы, сжимающие сосок. Рука в моих волосах, сковывающая любые мои действия. И его член, входящий в меня сильно, четко и глубоко, вызывая небывалое наслаждение. Перевожу взгляд на его визитку, переворачивая ее, и еще раз читаю адрес.

— Да пошло оно. Я сваливаю отсюда, подруга. Пошла получать свои оргазмы, пока ты будешь стонать свои «О, Боже» от траха с Сэмом. — Я резко встаю и быстрым шагом иду в свою комнату.

— Вот она, моя девочка. Узнаю свою школу! — слышу вслед удаляющийся восторг Эмили.

Открыв гардероб, я вываливаю одежду на пол, решая, что же надеть. Может что-то неброское, чтобы остаться загадкой, и он бы гадал, что у меня там? Или наоборот, что-то вызывающее, чтобы его член мучился в штанах? Платье, юбка, блузка, шорты — все это разлетается в разные стороны под оглушительную песню Netsky feat. Beth Ditto — Running Low, доносящуюся из колонок, подключенным к ноутбуку. Но это все не те вещи, в которых

мне бы хотелось предстать перед ним. Я хотела, чтобы он запомнил меня так же, как я его взгляд, который мерещится мне повсюду и не покидает ни на минуту.

Поэтому я просто взорву его мозг. Натягиваю на себя черные узорные чулки, кружевное черное белье и сапоги-ботфорты.

— Эмили, принеси мне мой плащ, — кричу ей.

Через минуту подруга открывает дверь моей комнаты и столбенеет в буквальном смысле.

— Вау, девочка, да ты решила идти напролом? — смеется она и кладет плащ на кровать, пока я наношу на губы красную помаду.

— Вот именно. Пусть этот козел мучается так же, как я этой ночью.

В дверь звонят, и Эмили убегает открывать, ну а я натягиваю бежевый плащ, складываю в сумку ключи, кошелек и телефон, выключаю музыку и выхожу из квартиры, оставляя голубков, наслаждаться друг другом.

Сев в такси и назвав нужный адрес, я смотрю на сменяющиеся друг другом дома города. Людей, которые мирно гуляют по темным улочкам, освещенным фонарями. И могу только представить его лицо, когда он увидит меня на пороге своей квартиры. Но подъехав к нужному зданию, меня начинает потряхивать от ожидающей встречи с ним. Выдохнув, я захожу внутрь и, поднявшись на лифте на нужный этаж, уже стою возле его двери, держа палец напротив звонка.

— Ну, была, не была! — говорю я и нажимаю на кнопку затаив дыхание.

Дверь открывается, и я поднимаю голову, смотря на Майка. Он стоит босиком на ковровом покрытии, а джинсы расстегнуты и свободно болтаются на его бедрах. Голубая рубашка расстегнута, оголяя его торс. Глаза стали еще ярче благодаря этому оттенку его рубашки, а на лице удивление сменяется милой улыбкой.

— Посмотрите-ка, кто это у нас здесь. — Он предлагает войти, делая жест рукой, указывая внутрь квартиры. — И что же привело тебя в столь поздний час ко мне? — Слышу за своей спиной звук закрывающейся двери.

Я молча осматриваюсь вокруг, поражаясь высотой потолков. Здесь чувствуется свобода от не давящих стен квартиры.

— Ты решила прислушаться к моим словам, что тебя нужно научить контролировать эмоции?

Одна его фраза снова бросает мое тело в печь, разжигая вокруг огонь. Такой самоуверенный, наглый и самовлюбленный. Но такой невероятно сексуальный.

— Ты знаешь, я и сама не знаю, что конкретно привело меня сюда, но вот что я тебе скажу, — начинаю развязывать пояс на своем пальто, следя за его глазами, которые смотрят на движения моих рук. Бежевая ткань сползает с плеч и падает на пол, оставляя меня только в кружевах и сапогах. Майк затаил дыхание и жадно разглядывает мое тело, то открывая, то закрывая рот. Его тело напряглось, готовясь к прыжку, словно тигр на свою жертву. — Пошел ты на хрен со своим учением.

Быстрое движение его рук притягивает мое тело к нему. Зубы ударяются в страстном поцелуе. Боже, мириады разноцветных огней заполонят мой разум, унося глубже в бездну возбуждения. Я стягиваю с него рубашку, оставляя на том месте, где мы стоим. Его руки блуждают по моему телу, изучая меня, притягивая настолько близко, насколько это вообще возможно. Красная помада размазалась на его губах, из которых вырываются стоны и даже рычание. Сандерс поднимает меня на руки, и я обхватываю его ногами, как во сне, уже

ожидая удара спиной о стену, но мы продолжаем перемещаться, не разрывая дикий поцелуй. Его пальцы впиваются в мой зад, но меня это еще больше заводит. Падаем на кровать, и он останавливается, чтобы посмотреть на меня.

— Ты пришла только за этим?

— А у тебя есть возражения? Мы можем подождать пятого свидания. — Майк задумался, явно что-то прикидывая в голове.

— К черту свидания, — говорит он и впивается поцелуем в мою шею, запуская руки под мою спину, расстегивая бюстгальтер. Его губы такие горячие и требовательные, явно могут оставить на мне следы, но мне плевать. Воздуха в легких не хватает, и я делаю огромные вдохи. Комок удовольствия нарастает с каждой секундой, нагревая мое тело до максимальной температуры. Сердце в груди, словно мчащийся поезд, звуки которого так схожи со звуком крутящихся колес по рельсам. Этот ритм разливается по венам, заставляя меня стонать громче. — Блять, Кира. Я.Мечтал. Об этом. Моменте. Три. Гребанных. Месяца, — разделяя каждое слово поцелуями. — Ты ворвалась в мой мир с оргазмом, от какого-то уroda. И я не могу перестать вспоминать этот момент. Каждую ночь ты снишься мне с раздвинутыми ногами, и с одурманенным от оргазма взглядом. — Его губы спускаются все ниже и ниже тонкой кружевной материи, но он останавливается, и, расстегивая молнию на каждом сапоге, медленно стягивает их, бросая на пол. А затем стягивает трусики, оставляя меня в одних чулках. Сажусь на кровати, опрокидывая его на спину.

— А я не могу выкинуть из головы тебя, и то, как ты ворвался в ту комнату в клубе, бессовестно подглядывая за мной, — стягиваю с него джинсы и одновременно боксеры. Нависаю над Майком, опираясь на руки, возле его плеч, сажусь сверху и начинаю шептать, так же, как и он в своем кабинете. — Твой взгляд. Это он заставил меня кончить в ту ночь, — начинаю тереться клитором о его член. Горячий, твердый, гладкий. Чувствую, как он напрягается еще больше подо мной. — Не от него. От тебя, — прикусываю мочку его уха, затрагивая самым краешком языка его чувствительное место, от чего слышу новый стон. Резко переворачиваясь, я оказываюсь на спине, а Майк снова надо мной.

— Не от него?

— Нет, — шепчу я, проводя ладонями по его груди. Он такой горячий, сильный. Даже в темноте комнаты я могу разглядеть его. Каждую линию его идеального тела.

— И все это время ты хотела меня? — спрашивает он, но я молчу.

Резким движением он входит в меня. Черт! Он грубо трахает меня, и, кажется, новый толчок получается еще сильнее и глубже. Я вскрикиваю в порыве блаженства каждый раз. И каждый раз я хочу, чтобы было еще сильнее, грубее, жестче. Его рука сминает мою грудь, добавляя новые ощущения.

— Я не слышу тебя? — вдалбливаясь в меня, спрашивает Майк. — Ты все это время хотела меня? — Но я не хочу отвечать, не хочу думать. Мне нужны его руки, жадно ласкающие каждую часть моего тела, содрогающегося под его натисками. Хочу его губы на себе. Член внутри себя. Это невероятно. Как я вообще жила без секса с ним до этого. Все было таким серым, посредственным и скучным. Но этот ураган эмоций, что захлестывает меня с каждым новым толчком, уносит все дальше от реальности. Я не хочу открывать глаза, потому что, если я сделаю это, то моментально кончу, увидев его взгляд на себе.

— Ты будешь отвечать мне? — резко выходит из меня, переворачивая к себе спиной, ставя меня на колени. Снова входит, только на этот раз еще глубже. Звезды засверкали в моих закрытых глазах. Слишком сильно. Слишком интенсивно. Это все просто слишком.

Меня переполняет возбуждение, которое мурашками покрывает мое разгоряченное тело. Его руки удерживают меня за поясницу. Он требует ответ, но я все равно молчу. — Ты хочешь, чтобы я стал еще более грубым?

Блять, да! Хочу. Чтобы он от трахал меня до потери сознания. Мне необходимо, чтобы он сделал это.

— Да, — стону ему в ответ.

— Да? — шлепок по заднице. Саднящий, обжигающий.

— Боже, да!

Темп быстро ускоряется, и я просто срываюсь на крик удовольствия. Невероятно! Внутри все горит. Я на пределе. Хочу кончить, но это будет слишком быстро. Майк запускает свою руку в мои волосы, схватив прямо на затылке, тянет назад, от чего спина выгибается, и я прижимаюсь к нему еще сильнее, а его член умудряется входить еще глубже.

— О, Боже! Да! Еще! Сильнее! Пожалуйста, не останавливайся, — кричу я не своим голосом.

— Не останавливаться? — тихо рычит Сандерс возле моего уха.

— Не вздумай, твою мать, останавливаться.

— Как меня зовут? Хочу слышать свое имя, пока ты будешь кончать на мне. — Резко открываю глаза, вспоминая свой сон. Чертов сон, который мне снился этим утром. — Я не слышу ответа! Хочешь закончить все это?

— Майк. Майк Сандерс. — Оргазм, словно взрыв гейзера, накрывает меня. Сознание отключается от всего вокруг, но Майк не останавливается. Он продолжает с бешеной скоростью входить в меня, пока я не ощущаю внутри теплую струю спермы. Блять, блять, блять! Я готова провалиться в забытие. Это чертова сказка, сон, в котором Голубоглазый брюнет может вытворять невероятные вещи своим членом. Пульс отдается в голове, в ушах. Ничего не слышу. Шумно глотаю воздух и падаю на постель, запуская руки под подушки.

Майк валится рядом со мной на спину, пытаюсь успокоить дыхание.

— Черт, Диас. Почему мы не сделали этого раньше, — смеется он. — Мы могли бы проводить так каждую ночь на протяжении всех трех месяцев.

— Могли бы, — улыбаюсь больше сама себе. — Но тогда бы я отымела тебя на столе твоего кабинета, нас бы застукали, а тебя выгнали с работы.

— Черта с два меня бы выгнали.

— Я бы даже с тобой рискнула заключить пари, но теперь мы этого никогда не узнаем.

— И правда, даже жаль. Я бы, наверняка, выиграл самый охренительный минет в своей жизни. Готов поспорить, что твой ротик может творить чудеса, — улыбается он, проводя большим пальцем по моей нижней губе.

— А вот тут ты прав. И, думаю, могу даже это доказать.

Эта ночь была полна стонов, оргазмов и моря спермы. Вся комната была пропитана развратом наших тел. Выходя утром из его комнаты, оставляя Майка спать, я взглянула на него последний раз. Вряд ли нам удастся пересечься на работе. Вряд ли будет еще возможность провести самую головокружительную ночь с этим красавцем. Но та приятная боль, отдающаяся в каждой клеточке моего от траханного тела, будет еще долго напоминать мне о Сандерсе. Я выхожу на улицу, и вдыхаю утренний свежий воздух, который наполняет мои легкие, пробуждая мысли для нового дня. Поднимаю глаза вверх, в небо. И вижу конденсационный след от самолёта. Вот оно. Моя цель. Моя мечта.

Вспоминая строки из песни, я скажу вам: «Теперь я не буду иметь мечту. Теперь я буду

наслаждаться ее моментами».

История третья — «Впервые»

— Какого хрена ты не отвечаешь? — Черт меня дернул ответить на незнакомый номер, который высветился на дисплее. Майк обрывал мой телефон на протяжении всего дня, и каждый его звонок я отправляла на голосовую почту.

— Я перезвоню тебе позже, — нажимаю на экране на красную кнопку и прекращаю то, что началось вчера вечером. Чертов Сандерс, он везде — в моих мыслях, воспоминаниях. Я до сих пор могу чувствовать его вкус на своих губах. Чувствовать, как он входил в меня в идеальном ритме. И мать твою, я понимала, что начинаю влюбляться в него. Все три месяца я не переставала думать о нем и видеть его на занятиях. Но сейчас я хочу закрыться и спрятаться от него и от своих чувств. Для нас с ним только два исхода, если эти отношения перейдут во что-то большее: мое разбитое сердце и раздавленная гордость, которая прячется под одеялом в моей квартире в Нью-Йорке; либо это подгузники, бесконечные крики и плачи, моя отвисшая грудь и бесформенное тело. При мысли о последнем, меня невольно передергивает, и по телу проносятся мурашки. Отношения никогда не бывают просты. Поначалу ты наслаждаешься каждым моментом вашей «ванильной жизни», а затем как будто спускаешься вниз по лестнице в озеро проблем. И с каждой ступенькой, ты все больше и больше погрязает в этом дерьме под названием «бытовая жизнь». Моя же жизнь только начинается. Карьера, парни, веселье, выпивка, новые знакомства и снова парни. Я хочу оставить Сандерса лишь одним из своих «счастливых моментов». Если не считать моего бывшего, то Майк — второй парень, с кем я спала. И это не такой большой опыт, чтобы сказать: «Все, я нашла себе мужа». Нет. Я хочу распробовать всё и всех, чтобы не сглотить с тем, кого действительно увижу в роли мужа и спутника всей моей жизни.

Мобильный снова начинает вибрировать, теперь я уже не допускаю предыдущей ошибки и смотрю на номер входящего звонка — Майк.

— Да что же ты просто не оставишь меня в покое! — стону я, и снова провожу большим пальцем по прохладному гладкому дисплею, отправляя звонок на голосовую почту. Если так хочет услышать меня, то там он может наслаждаться моим голосом до короткого гудка. От этой маленькой пакости, на лице появляется самодовольная улыбка.

Я снова поднимаю взгляд на то, к чему я шла долгое время. Мой первый рейс — Нью-Йорк — Даллас. Четыре часа полета над землей и облаками. Кровь медленно начинает бурлить в моем теле, и я окончательно забываю про Майка, глядя на Airbus A319. Он кажется таким большим и, не смотря на то, что я точно знала, как он взлетает, все равно не могла понять, как такая тяжелая штукавина может поднять нас вверх. Делаю глубокие вдохи, чтобы не начать паниковать, но черт, я была готова визжать от восторга, прыгать, бегать по всей взлетной полосе или вокруг самолета. Я готова обнять каждый сантиметр фюзеляжа. Но я думаю, что меня бы тут же забрали в больничку на проверку адекватности. Поэтому все, что я могу — натянуть самую охренительную улыбку, и работать. На предполетном брифинге я познакомилась с членами экипажа, все были достаточно милы, и не придали особого значения тому, что я стажер. И с того момента два часа подготовки к полету пролетели как одна минута. Все чему нас учили, я делала словно на автопилоте, не упуская ни одной мелочи. При входе пассажиров на борт, улыбка сияла на моем лице еще сильнее, потому что я осознавала, что вот-вот мы взлетим.

Все проверенно, пассажиры на местах, а я поднимаюсь по трапу, чтобы закрыть двери и отправится в свой первый полет.

— Кира! Какого черта! Кира, подожди! — долбанный Сандерс. Я закатываю глаза и поворачиваюсь к нему, глядя, как он взбегает по трапу ко мне.

— Что тебе нужно, Майк? Я работаю, нам нужно взлетать. Мне некогда выяснять с тобой отношения, и вообще... — но Майк не дает мне договорить и, подбежав ко мне, целует страстно, сильно, возмещая то, что я не дала ему утром, стирая все следы существования моей красной помады на губах.

— Я просто хотел пожелать тебе удачи, — отстраняясь, говорит он. — Ведь я помню, что ты добивалась этого очень упорно, и чуть не сломала мне челюсть. Просто, позвони, как приземлишься.

— Зачем? — делаю шаг назад от Майка.

— Просто позвони и все. Если я не получу звонка от тебя в течение шести часов, то сам прилечу к тебе. Нам нужно поговорить. И мне не важно, как сильно тебя вымотает этот полет. Если я прилечу, то о спокойной и тихой ночи можешь забыть. — Я вижу в его взгляду что-то еще, кроме желания довести меня. Какую-то грусть и тоску. Брови Майка сдвинуты вместе, что говорит о его расстройстве или растерянности.

— Кира, вылетаем, — говорит старшая стюардесса. — О, добрый день, мистер Сандерс, — женщина, прищурившись, смотрит на Майка. — Кира, поторопитесь.

— До свидания, мистер Сандерс. Спасибо за напутствующие слова, — говорю наигранно.

— Ты все поняла? — чуть строже спрашивает Майк приказным тоном, который пробирается под кожу, возвращая меня в сегодняшнюю ночь, где он был властным и требовательным.

— Так точно, сэр. Всего хорошего. Делаю еще шаг назад и переступаю порог самолета, закрывая перед собой дверь, не отрывая взгляд от его голубых глаз. Услышав щелчок, дающий мне понять, что дверь закрыта, я выдыхаю тот сгусток кислорода вперемешку с адреналином, который ураганом пронесся по моему телу, крови и легким, разгоняясь от бешено стучавшего сердца. Прислонившись лбом к холодному металлу двери, я закрываю глаза, стараясь успокоиться, и делаю дыхательное упражнение, как нас учили: вдох — выдох. Резко поднимаю голову и поворачиваю рычаги фиксации дверей. Все, пора.

Ребята уже проводят инструктаж для пассажиров, а я проверяю все замки шкафчиков на кухне, и сама усаживаюсь на место возле иллюминатора, пристегивая ремни безопасности.

— Дамы и Господа, добро пожаловать на рейс А9780 Нью-Йорк — Даллас. Продолжительность полета четыре часа. Приятного полета, — доносится из динамиков уверенный голос пилота — Адама. С ним мы так же познакомились на предполетном брифинге, и, следуя к своему самолету, я разузнала, что он пилотирует уже 16 лет, и что дома его ждут два сына и жена. Адам был уже седовласым мужчиной до сорока лет. Почему то именно такой образ командира корабля вызывал у меня доверие и надежность во время всего полета.

Все члены экипажа занимают свои места, и пока они пристегиваются, я ощущаю, как самолет начинает движение. Все внутри меня замирает в ожидании. Сегодня отличная погода, на небе слишком мало облаков и я могу совсем немного полюбоваться видом сверху. Жаль, что не смогу сидеть весь полет, прильнув к иллюминатору и, поджав под себя ноги, наблюдать, как под нами меняются города и реки. Как красиво разделены участки земель, и каждый прямоугольник слегка отличается цветом от другого. Но одно я знаю точно — я не пропущу закат.

Через некоторое время самолет останавливается, и это означает, что либо мы ждем свою очередь, либо разрешения на взлет. Сжимаю руки в кулаки, мечтая поскорее оказаться над Землей.

— Все хорошо, не волнуйся. Ты отлично справляешься, — говорит Кэррол, наша старшая стюардесса. Ей тоже около сорока лет, и она достаточно мила и добра, как мама. Не мудрено, что она стала бортпроводником.

— Ох, я совсем не переживаю. Просто мое сердце сейчас остановилось вместе с самолетом, чтобы сделать свой важный рывок наверх, к моей мечте. Ты не представляешь, как я мечтала об этом, — мило улыбаясь, я отвечаю коллеге, вспоминая свои одинокие вечера на подоконнике, когда я сидела, укутавшись в плед и высматривая мигающие точки на небе.

— Понимаю, дорогая. Ну что ж. У тебя все получится. У тех, кто настолько стремится добиться своей цели, как мы с тобой, у них все получается.

Да, так и есть. Перевожу взгляд в небольшое окошко возле меня, и вот он. Звук запустившихся двигателей становится громче, как будто раскручивают что-то тяжелое прямо возле меня, с каждым оборотом все сильнее и сильнее. Резкий рывок вперед и мы начинаем ехать, набирая скорость, будто кто-то надавил педаль газа в машине до упора. Меня начинает прижимать к спинке, и чувствуется каждая неровность взлетной полосы, но я неотрывно смотрю в окошко за мелькающими самолетами, которые готовятся к своему рейсу, понимая, как же быстро мы едем. Нервно прикусываю губу. Вот оно. Еще немного. На лице появляется улыбка, словно ребенку дали его самую обожаемую игрушку, которую он выпрашивал у родителей долгое время. На лбу появляются морщинки от напряжения и ожидания момента. И тут меня немного придавливает на сиденье, и я вижу, что мы взлетели. Взлетная полоса становится все ниже и ниже, и потом сменяется на траву и лес, и я вижу тень самолета. Боже. Невероятно. Я лечу. Улыбка становится еще шире, а на глазах наворачиваются слезы. В желудке происходят непонятные вещи, как будто миллиарды бабочек сидят там в заточении и щекочут меня своими крыльями. Самолет начинает поворачивать и заваливается на один бок так, что я вижу город прямо под собой. Но мы поднимаемся все выше и выше с каждой долей секунды, от чего по телу пробегают волны мурашек одна за другой. За бортом появляются медленно плывущие облака, которые так же ускользают под нами. В этот момент появляется ощущение, что мы остановились в небе, просто зависли. Земля приобрела округлый вид, разноцветные поля и реки движутся медленнее, облаков становится все больше и больше, и заходящее солнце, на которое можно любоваться долгое время, манит взгляд... Но, работа не спит, поэтому с огромной неохотой я отстегиваю ремень вместе с Кэррол и мы приступаем к работе.

Четыре часа, один опрокинутый стакан апельсинового сока на какую-то девицу, плачущий без конца ребенок — все это досталось мне в первый полет. Но нет ничего, к чему бы нас ни готовили. Поэтому все проходит как по маслу. Весь полет, когда мы проваливались в воздушные ямы, либо поворачивали, меня сопровождали бабочки в животе. А снижение вообще ни с чем несравнимая вещь. Я перестала улыбаться для работы и едва сдерживала смех от щекотки внутри себя.

Спустившись вниз по трапу, я поднимаю голову вверх, глядя в ночное небо, усыпанное звездами. А еще совсем недавно я смотрела на небо из окна квартиры. Квартиры. Эмили. Достаяю из сумки телефон, и, включив, звоню Эмили. Но кроме гудков я ничего не слышу, поэтому набираю подруге сообщение.

«Привет из Далласа. Полет отличный. Все как я и представляла. Скоро буду дома, с тебя вино, мороженое и никакого секса на моей кровати».

Блокирую телефон и смотрю на здание аэропорта. Через четыре часа обратный рейс домой, а это значит, что есть всего лишь час, чтобы немного отдохнуть, выпить кофе, привести себя в порядок и вновь вернуться к работе. А затем приземлиться дома на уютную подушку, которая пропитана запахом кокосового масла от моих волос.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Взяв латте с корицей, присаживаюсь за столик в кафе для сотрудников. Здесь немногочисленно и довольно свежо, пахнет свежей выпечкой и цитрусом. За соседним столиком сидит компания стюардесс, и оживленно беседуют на чешском языке. От мысли, что я попала в водоворот иностранцев, мне становится теплее, не смотря на то, что я совсем одна. На моем рейсе все достаточно взрослые, чтобы обсуждать сногсшибательных парней и говорить о моде, поэтому сказав, что просто хочу отдохнуть от людей и разгрузить голову, я направилась сюда, как только увидела вывеску, сходя с трапа.

Взяв в руки горячую кружку с восхитительным ароматом, я делаю глоток бодрящего напитка. Вкус приводит мои воспоминания в детство, когда мама стряпала яблочный пирог и всегда добавляла в него корицу, хотя сама она ее не любила. В такие дни мы усаживались на веранде дома, и я брала в руки карандаш и начинала что-то рисовать. Но в последнее время это было редкостью, только когда меня действительно что-то вдохновляло. И последним моим рисунком был Майк. Кстати о Майке. Взяв в руки телефон, я замечаю, что с момента, как я закрыла дверь самолета, он больше не звонил и не писал. Облегченно вздохнув, я снова замираю, вспомнив, что он просил позвонить, как только я приземлюсь. Но я не хочу снова слышать его голос, который будет заполнять весь мой разум и все тело. Я хочу остановить этот поток влюбленности, который, как река через прорванную плотину, заполняет пустое пространство. Еще немного и остатки плотины могут не выдержать. Я не хочу влюбляться. Не сейчас и не так быстро. Мне не нужны отношения, потому что всему приходит конец. И однажды, я в этом просто уверена, мой парень скажет мне выбирать — работа или он. И я знаю, что выберу не работу. Но сейчас, я хочу насладиться ей, чтобы потом не пожалела, что не увидела мир и не почувствовала полет.

Найдя номер Майка, я решаю просто отправить сообщение: «Я долетела. Сейчас обратный рейс». Сначала, я решила, что Майк моментально ответит, но минута сменяет другую, а ответа все нет. Телефон по-прежнему вертится в моей руке, ожидая сигнала сообщения.

— Привет, — слышу позади себя мужской голос. — Можно?

Обернувшись, я вижу светловолосого мужчину за тридцать, одетого в форму пилота. Оглядевшись, замечаю еще несколько свободных столиков, и чуть шурю, обдумывая ответ.

— Конечно, — указываю на стул напротив меня. Мысленно отмечаю, что парень очень симпатичен, отчего откладываю телефон в сторону, дисплеем вниз, на случай, если Майк ответит, то этот красавчик не увидит его имя.

— Почему в одиночестве? — снимает пиджак и перекидывает через спинку стула.

— Решила немного отдохнуть и собраться с мыслями.

— Тяжелый полет?

— Нет, ни сколько, — чуть улыбаясь, перевожу взгляд на стол. — Первый.

— Ты серьезно? Первый полет? Здорово! Ну и как тебе?

— Восхитительно, невероятно, энергично, волнующе... — мечтательно закатив глаза, я

кладу палец возле нижней губы, в манере обдумывания слов.

— Все бы отдал, чтобы вспомнить ощущения от первого полета. Но знаешь, с каждым разом замечаешь что-то новое и более интересное. В нашей работе не бывает разнообразия.

— Наверное, но скоро узнаем.

— Я Джордж, — протягивает руку блондин.

— Кира, — отвечаю ему рукопожатием.

— Откуда ты?

— Нью-Йорк. А ты?

— Вашингтон. — От его слов я даже немного расстроилась, ощутив чуточку пустоты внутри. Ох, если мне и дальше будут попадаться такие сексуальные пилоты, то боюсь, что уйду в разнос. Смотрю на часы над барной стойкой и понимаю, что мне уже нужно выбегать.

— Я была очень рада нашему знакомству, но мне пора бежать. Работа важнее всего! — улыбаюсь ему и встаю.

— Конечно, — парень тоже поднимается. — Я тоже был рад знакомству. Может, еще встретимся, Кира.

— Обязательно, — беру сумку и выхожу из кафе. Может, стоит вернуться и оставить ему мой номер телефона? Парень действительно симпатичный, на Сандерсе мир не останавливается. А у меня все только начинается. Разворачиваюсь, чтобы направиться в кафе, но ударяюсь носом об кого-то. Блин, как же больно.

— Черт, прости! — говорит Джордж. — Сильно ударились? — открываю прослезившиеся от боли глаза и смотрю на парня. Он чуть присев смотрит на меня с таким выражением, словно это он сам ударился об меня.

— Нет, нет, все хорошо, — выдохнув и убрав руку от носа, отвечаю ему.

— Я просто подумал, может, дашь свой номер. Когда буду в Нью-Йорке, мы могли бы встретиться.

— Ммм, конечно, почему нет. — А у самой все внутренности делают сальто и аплодируют, что не пришлось самой идти и выглядеть навязчивой идиоткой.

Спустя три часа мы готовы для посадки пассажиров и взлету. Люди заходят один за другим. А поскольку уже глубокая ночь, то все достаточно вымотаны, заспаны и зевают. «Хорошо, что на рейсе нет детей» — пролетает мысль в голове. Закрыв двери, я прохожу в салон, чтобы помочь пассажирам разложить вещи на полки, и быть рядом, если возникнут вопросы.

В проходе стояла пожилая женщина, достаточно полная и низкого роста. Но она выглядела вполне симпатично и я бы даже сказала «уютно». Да именно такое слово к ней я бы применила. Словно это была моя собственная бабушка. Странно, но в душе появилось какое-то тепло, и стало действительно уютно, когда наши взгляды встретились. Я мило улыбнулась ей, но во взгляде женщины я видела боль и страдание. На ней вообще не было лица. Женщина была грустной, двигалась медленно. Я решила помочь ей, поскольку в руках у нее было три небольших чемоданчика, которые она не знала куда деть.

— Добрый вечер. Могу ли я предложить Вам свою помощь? — спрашиваю я, протягивая руки к ее ручной клади. — Давайте мы уберем это с Вами наверх, чтобы Вам ничего не мешало в полете.

— Спасибо тебе, милочка, но я бы хотела, чтобы это осталось при мне. — Она прижимает к груди два чемоданчика, которые держит в одной руке. — А вот это можно и убрать, — протягивает свою сумку. Странно, но люди обычно стараются держать свою сумку

при себе, но не в этом случае.

— Как скажете. Ваша сумка будет прямо над Вами. Если Вам что-то понадобится, то Вы можете нажать на кнопку вызова стюардессы, и мы поможем достать ее.

— Хорошо, дорогая. Не волнуйся обо мне, — говорит она, но в ее глазах появляются слезы. Мне становится не по себе, в душе зарождается непонятное тоскующее чувство. Хочется что-то сделать, обнять, утешить ее. Но это было бы неправильно.

— Могу ли я еще что-то сделать для Вас? Может принести Вам воды или сок?

— Нет-нет, милочка. Не переживай.

— Хорошо. Если что — позовите меня. Меня зовут Кира. — Не хочется оставлять ее, и я стараюсь придумать предлог, чтобы задержаться.

— Если можно, то плед был бы весьма кстати. Я не летала 23 года, но думаю, что в небе все так же прохладно.

— Да, конечно, я принесу для Вас плед, как только мы взлетим.

— Тогда это все, — усаживаясь на место, говорит бабуля. Чувствую, что мы начинаем движение к взлетной полосе.

— Простите, видимо я уже не успею вам принести плед до взлета, но как только мы взлетим, я тут же его принесу, договорились? — Бабуля медленно поднимает взгляд полный печали и тоски. Я вижу, что ей хочется побыть одной, но все-таки мое сердце сжимается от ее боли, и я понимаю, что все это отражается на моем лице с нахмуренными бровями и складочками на лбу.

— Договорились, — видимо мой вид еще больше ее расстраивает, поэтому она пытается выдавить слабое подобие улыбки, и, поправляя седую прядь волос, выбившуюся из пучка на макушке, она вздыхает и прижимает свой чемоданчик ближе.

— Кира, долго возишься. — Говорит одна из стюардесс — Милли, когда я усаживаюсь на свое место и начинаю пристегиваться.

— Да, задержалась с одной женщиной.

— Это ничего, просто можешь растянуться по проходу, когда начнем взлетать, — усмехается она. — Со мной было такое в мой первый полет. Тогда половина самолета посмеялась от души, а вторая чуть не повскакивала со своих мест. Представь, если бы они все кинулись мне помогать, началась бы каша, или еще чего похуже.

— Жуть, — говорю чуть сморщившись. Действительно последствия могли быть плохие. Перевожу взгляд в иллюминатор, и снова это чувство. Чувство разгона дополняют сменяющиеся картинки, которые только быстрее и быстрее начинают мелькать перед глазами, и в один момент легкая тряска заканчивается, сменяясь небольшим давлением откуда-то сверху, будто тебя прижимает невидимая сила к твоему сидению. А потом все проходит, и ты наслаждаешься чувством невесомости. Класс. Я поняла, что эти моменты в моей жизни будут самыми лучшими и приятными. И я никогда в жизни не забуду о них, чтобы ни случилось на этой работе.

Через некоторое время я отстегиваю ремни и мчусь за пледом, чтобы передать его старушке. Подходя к ней ближе, я смотрю, как тоскливо она смотрит в окно, а в глазах уже собираются слезы. Вот черт. Видимо, для меня это будут долгие четыре часа полета.

— Мадам, держите. Как Вы себя чувствуете? Все хорошо? Могу ли я Вам что-то принести?

— Спасибо, милая. Не нужно.

При любой возможности я только и делала, что смотрела на нее и уделяла ей больше

всего внимания. И каждую минуту, что приближала нас к Нью-Йорку, на ее лице отражалось все больше и больше эмоций. Но в основном, она просто смотрела в окно, отрешенная от всех и всего вокруг, летая в облаках и в своих мыслях. Но когда остался час, до того, как мы приземлимся, мое терпение лопнуло. Я не понимала, что со мной. Эта женщина для меня никто, такой же пассажир, как и все вокруг. Но я понимала, что моя задача, чтобы всем было хорошо и комфортно, в том числе и мне. Но мне не комфортно, когда я вижу, как она вытирает уголком нежно-голубого платочка слезы, которые стекают по ее щекам.

Медленным шагом подхожу к ней, как мне кажется в пятидесятый раз за этот рейс, и присев на сидение рядом с ней, беру ее за руку. Меня могут осудить или сделать выговор за такое поведение, но мне плевать.

— Простите, но я честно не могу больше смотреть, как Вы страдаете. Я не знаю почему, но Вы не просто пассажир этого рейса. И для меня важно, чтобы Вы были в порядке и хоть немного улыбнулись, — чуть сжимаю ее холодную руку, и поправляю плед, поднимая его чуть наверх к талии.

— Прости меня, ради всего Святого. Просто моя младшая сестра умерла восемь часов назад... — и тут ее слезы начинают катиться сильнее, и как бы она их не стирала, они не прекращаются. В моей груди нарастал ком, а глаза стали мокрыми. Как бы я не старалась сглотнуть, выходило это с трудом. Это шок. Я, правда, не представляю, что она сейчас чувствует.

— Мне очень жаль, примите мои соболезнования, — стараюсь говорить спокойно, но мой голос дрожит.

— Я не видела ее двадцать три года. Давно не летала к ней и ее семье. Лизи была для меня всем, — всхлипнув, продолжает она. А я все так же крепко сжимаю ее руку и сдерживаюсь, чтобы не начать плакать вместе с ней. — Когда она родилась, я не отходила от ее колыбельной, а ведь мне тогда было четырнадцать лет. В самую пору было влюбляться и гулять. Но я помогала во всем, увидела ее первые шаги именно я, вставала к ней по ночам успокоить и убаюкать. Повела ее в первый класс, давала советы про мальчишек. А потом она поступила в университет Нью-Йорка, и мы стали только созваниваться. Я проводила все праздники со своей семьей, а она со своей. Каждый раз мы откладывали нашу встречу. Лизи не любила летать, а у меня не было возможности прилететь даже на День Благодарения. Последний раз я видела ее на день рождения ее сына Майка. Хороший русоволосый мальчишка, постоянно бегал и играл с подаренной мной ракетой, — она усмехается, вспомнив, как мне кажется, приятные воспоминания. — А какие большие были у него глаза. Голубовато-синие, как два океана. — Я моментально вспоминаю его, и по телу пробегает дрожь. Два океана, Майк, надеюсь это просто совпадение. Начинаю вглядываться в ее лицо, пытаюсь найти сходство с Сандерсом, но не вижу, и облегченно вздыхаю про себя.

— Мадам...

— Моника, — говорит она. — Какая уж тут мадам. — Вытирает слезы.

— Моника, я не могу передать словами то, что я хотела бы Вам сказать. Я, честно, не представляю, каково это, когда любимый для тебя человек уходит из жизни навсегда. Но наверняка у Вас остались только светлые воспоминания о ней. Пусть они дарят Вам радость.

— Остались, — Моника открывает свой чемоданчик, который так сильно прижимала к себе. В нем было много черно-белых фотографий, гребешок с алой розой и прочие украшения. — Это все принадлежало Лизи, — передает мне одну фотографию за другой. На одной они совсем еще молодые и такие красивые, на другой Элизабет стоит с коляской. Беру

одну фотографию за другой. — Как же я без нее теперь. Я не представляю, что она ушла из жизни раньше меня и бросила. Моя маленькая Лизи, — плача шепчет она, глядя на их совместную фотографию.

— Давайте, пора успокоиться. Вы сильная, Вы прошли с ней весь этот путь. И Ваша сестра не хотела бы видеть Вас в таком виде — раскисшую. Я предлагаю Вам сейчас умыться, успокоиться и привести себя в боевой настрой. Сейчас Вы нужны их семье все той же боевой женщиной, которой Вы всегда были. Понимаете?

Моника поднимает на меня удивленный взгляд, и я вижу, что она согласна и понимает, что это важно. Поэтому я поднимаюсь с сиденья, и перевожу взгляд на часы.

— Через семь минут мы начнем снижение. Успеете?

— Я хоть и старуха, но за семь минут управлюсь, — говорит она, выбираясь в проход. — Не думай, что я какая-то развалина, улыбнувшись, начинает идти, но тут схватившись за грудь, начинает оседать на пол. Я подхватываю ее моментально. Старушка тяжело и учащенно дышит, на руке прощупываю пульс — словно таймер секундомера, сердце отбивает бешеный ритм. Твою мать!

Тут же к нам подбегают другие бортпроводники.

— Узнайте, есть ли на борту врач? — говорю им я. — Моника, Вы меня слышите? Моника? — ощупываю ее щеки и лоб. Она вся горит, а руки ледяные. Черт.

— Я, врач. — Подбегает сзади молодой человек.

— Она упала, меньше минуты назад, учащенное сердцебиение, схватилась за грудь. Была в подавленном настроении.

— Это инфаркт. Через сколько мы приземлимся?

Снова смотрю на часы:

— Двадцать минут!

— Успеем. Но нужна реанимация и срочно.

Через двадцать три минуты пилоты посадили самолет в аэропорту Кеннеди, где нас уже ждала карета скорой помощи, на которой увезли Моника. Настроение было ужасным. А что, если это я ее довела своими разговорами и желанием помочь? Может, она бы спокойно долетела и добралась до семьи. Прибирая салон самолета, я замечаю, что чемоданчик остался лежать на сидении. Открыв багажную полку, вижу, что и остальные вещи остались здесь. Сев на сидение я снова беру в руки фотографии ее сестры. Тяжело выдохнув, все-таки меня прорывает, и я начинаю плакать. Мне обидно за все, что произошло на этом рейсе. Чувствую себя виноватой и разбитой. Я так хотела помочь ей, а теперь она из-за меня в больнице. Нервно потираю руками лицо, облакачиваясь на колени локтями. Надо что-то сделать. Я — не я, если не исправлю ситуацию.

Снова встав с сидения, я открываю полку для багажа и достаю оттуда все ее вещи. В сумочке нахожу записную книжку, и, дойдя до буквы Л, как я и предполагала — нахожу адрес ее сестры.

— Кира, ты как? — спрашивает Милли, подходя ко мне. — Все нормально? Ну и рейс.

— Милли, я должна вернуть эти вещи семье Моника. Ее сестра умерла сегодня, и она летела к родным, везя все памятные вещи. Ты не против, если я не останусь, чтобы вам помочь?

— Нет, конечно. Беги. — Улыбается она. Я резко подскакиваю с места, хватая все, что принадлежало старушке. — Кира! — Окликает Милли. — Ты великолепная стюардесса. Не старайся не принимать все так близко к сердцу, иначе ты просто сломаешься.

— Я постараюсь, — говорю ей, и убегаю.

Через полтора часа я выхожу из такси, которое доставило меня по нужному адресу. Это был большой дом, свет в котором был давно выключен, поскольку была глубокая ночь, но мне было все равно.

Нажимаю кнопку звонка дважды. И жду. На улице довольно прохладно, и меня потряхивает от всего происходящего. Все чувства во мне смешались — переживание, грусть, страх, вина, нервозность. Секунды тянутся как нуга — медленно, и кажется, что я стою тут уже больше часа. Начинаю нервно постукивать ногой и еще раз нажимаю на звонок.

— Сейчас! — слышится крик за дверью и на пороге включается свет. Щелчок замка и дверь открывается, ударяя светом по глазам ослепляя меня. — Чего вам надо так...

Тишина. Я стою на пороге и смотрю на хозяина дома. И черт бы меня побрал — Сандерс. Волосы взъерошены, лицо не узнать — темны круги, хмурый взгляд. Кажется, будто он постарел.

— Кира?

— Майк? Черт! — Майк и есть тот племянник Моники?

— Входи.

Я хочу сделать шаг, но ноги будто приросли к крыльцу. Я не хочу быть той, кто расскажет, что Моника в больнице.

— Майк, я... — хотела было сказать, что ухожу, но он берет меня за руку и втягивает в дом.

— Как ты нашла меня?

— Майк, имя Моника тебе о чем-нибудь говорит? — не хочу ошибиться и выглядеть полной идиоткой, которая заявила в пять утра.

— Кира, я уже не помню, ты что, пришла закатывать мне истерики ревности? Сейчас не время и не место для...

— Моника — старушка, сестра которой жила в этом доме. — Сандерс замолкает и удивленно смотрит на меня. Он что всерьез подумал, что я спрашиваю про его бывших?

— Да, это моя тетя.

— Она в больнице, — выпаливаю я. — Она летела моим рейсом, плакала весь полет, я не могла на это смотреть и села рядом, она рассказала мне, что ее сестра умерла, а потом у нее случился инфаркт, ее в больницу увезли. — Начинаю тараторить я, но тут же все эмоции выливаются наружу, как бы я не хотела их спрятать. Начинаю рыдать навзрыд, и понимаю, что Майк не понял ни слова.

— Эй, эй. — Кладет руки мне на плечи. — Стоп, я ничего не понимаю....

— Ох, Майк. — Резко притягиваю его к себе, обнимая за талию, стараясь прижаться к нему как можно сильнее. Он так нужен мне сейчас и в тоже время в данный момент я хочу находиться подальше от него, осознавая, что его тетя попала в больницу по моей вине. Мы стоим так пару минут, пока я успокаиваюсь, и в холл спускаются еще люди. Отпустив Сандерса, я оглядываю всех, кто спустился вниз.

— Майк, все хорошо? — подходит к нам седовласый мужчина. Он выглядит словно взрослая копия Майка. Те же глаза, нос, губы.

— Отец, да. Познакомься — это Кира, моя подруга.

— Почему ты держишь гостью на пороге, и тем более в таком виде, — нахмурившись, говорит он, оглядывая меня. — У Вас все хорошо? Что-то случилось?

Набираю в грудь побольше воздуха для смелости и решаюсь все же повторить все, что

случилось.

— Моника попала в больницу с инфарктом. Она летела моим рейсом, рассказала мне все. Я пыталась успокоить ее, но теперь понимаю, что сделала только хуже, предложив свою помощь. Простите меня. — Опускаю глаза вниз и тут же вспоминаю, что пришла вернуть вещи сестры старушки. — Моника везла это... для вас. Я решила, что сама привезу ее вещи лично, чтобы они не затерялись в больнице.

Глаза Майка округляются от этой новости, как и выражение лиц всех присутствующих.

— Черт, Майк, собираемся, — говорит отец Майка. — Вы знаете, в какую больницу ее увезли?

— Конечно, — уверяю их.

— Поедете с нами.

— Что? Нет! Я не хочу снова стать проблемой.

— Ты едешь и точка, — обрывает меня Майк и взбегает по лестнице вверх дома.

Спустя еще сорок минут мы стоим у палаты Моника, ожидая доктора. Облокотившись на стену, я смотрю в потолок, понимая, что сильно вымотана и морально и физически.

— Спасибо тебе, Кира, — прерывает мои мысли Майк, стоящий напротив меня в аналогичной позе.

— За что? Сандерс, я сама довела ее. Я увидела, что она плакала, и хотела помочь, а оказалось все наоборот. Идиотка. — С глухим ударом о стену опрокидываю голову назад, возвращаясь к белому потолку взглядом.

— Я думаю, что как человек, ты все сделала правильно. Каждому из нас нужен тот, кому можно высказаться, даже если этот человек тебе совсем незнаком. Моя мать была для Моника самым дорогим человеком. — Его мать. Боже. Новая волна слез появляется на моих глазах.

— Мне так жаль... Мне так жаль, Майк.

— Все рано или поздно уходят из жизни. Жаль, что нельзя выключить чувства, чтобы было легче. — Немного улыбнувшись, он продолжает. — Ты знаешь, на какой-то День Рождения тетя подарила мне модель ракеты. Я был в восторге от нее. И именно тогда я захотел стать пилотом. Именно она смогла подарить мне мечту, которую я осуществил. Жаль, что я не навещал ее, когда был в Далласе. Когда случаются такие вещи, понимаешь, как ценны для нас некоторые люди.

В коридор выходит доктор, и говорит о том, что Моник лучше и можно ненадолго навестить ее. Поэтому все родные Майка заходят в палату, но я так и продолжаю стоять в коридоре. Не хочу, чтобы она сказала, что это моя вина и все начали осуждающе смотреть на меня.

— Ты чего стоишь? Пошли, — Майк выглядывает из палаты, хватая меня за руку и затягивает внутрь. Сквозь пищаний сигнал, который отражает ее сердцебиение, я слышу всхлипы, и начинаю оглядывать палату, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. Только сейчас, когда вся койка старушки была окружена людьми, я поняла, что не успела даже познакомиться со всеми. Кроме отца Майка, здесь еще находился какой-то мужчина и три женщины, примерно все одного возраста — за пятьдесят или даже шестьдесят.

— Тетя, смотри, кого мы тебе привели, — говорит Сандерс, и проталкивает меня к койке.

— Кира, милая.

— Моник, — хватаю ее за руку. — Простите меня. Пожалуйста, простите, что довела

Вас до такого состояния, но мне так хотелось утешить Вас хоть чуть-чуть. Я передала Ваши вещи семье и...

— Милочка, все хорошо. Я уже старая и разволновалась, сама ведь понимаешь, что я уже не могу переживать такие неприятности в одиночку. Хорошо, что ты оказалась рядом. Ты мне напомнила солнышко, — улыбается старушка. — Такая теплая, и яркая, и нежная. Хотела бы я Майк, чтобы у тебя была такая невеста. Видели бы вы ее. Из сотни пассажиров она не отходила от меня. Прилипла как заботливая пиявка. — Все начинают весело хихикать.

— Уж я-то могу представить, усмехается Майк и берет руку Моники. — Мы хорошо ее научили. Хоть она и бывает занозой в заднице.

— Дак вы уже были знакомы? — удивленно спрашивает старушка.

Были ли мы знакомы? Конечно, были, и не только так как она думает. В воспоминания снова врывается наша ночь, его член у меня во рту и его возбуждающие звуки, вырывающиеся из груди. От этого щеки наливаются румянцем, и я стараюсь не смотреть на Майка, хотя боковым зрением вижу, что он тоже думает о той ночи и нежно улыбается.

— О да, мы были знакомы. Она мне на экзамене чуть челюсть не сломала. И я очень рад, что ты оказалась на рейсе Киры. Хоть для нее это старт карьеры, но думаю, что такие ситуации ее только закалят.

Я смотрю на Майка, который с таким трепетом и заботой смотрит то на меня, то на Монику. От этого в груди зарождается какое-то тепло, которого не было раньше. Я смотрю на Сандерса по-другому. Этот засранец может быть действительно милым, и это не укладывается пока в голове, но явно трогает мое сердце, что может привести к тому, что я все-таки потеряю от него голову. Чего мне совершенно не хочется. Я моментально понимаю, что только что произошло: я стою в палате с его семьей, которые смотрят на меня как на члена семьи за то, что я помогла старушке. Я познакомилась с отцом Майка. А сам Майк не сводит с меня глаз, в которых читается гордость и некий трепет. Черт. Я вляпалась по самые уши!

Быстро встряхнув головой, я бросаю взгляд на часы.

— Что ж, раз все обошлось, то я, пожалуй, пойду. Мне нужно выспаться перед рейсом. Еще раз простите, и примите мои соболезнования. — Начинаю выходить из палаты.

— Стой, я отвезу тебя, — слышу голос Майка.

— Ой, нет! Не нужно! Оставайся со своей семьей, я сама доберусь. — Но Майк уже подошел ко мне вплотную, с дерзким и хищным взглядом смотря на меня, говоря, что я от него не отделаюсь.

— Поехали, — рычит и берет мою руку.

— Она, правда, важнее сейчас, чем я, — шепчу я, и киваю в сторону койки с Моники.

— Я приеду к ней, как только отвезу тебя домой. Пошли. — Перемещает руку на предплечье и выводит из палаты. Через некоторое время мы стоим у подъезда моего дома. Всю дорогу мы молча смотрели в окно перед собой. Иногда встречались взглядами. И в такие моменты, как сейчас, мне хотелось послать все к чертям и просто трахнуть его прямо здесь. Напряжение в машине было ощутимо даже в воздухе. Но это бы означало для него, что я всерьез заинтересовалась им, а для меня еще одной ступенькой к тому, что я влюбляюсь. Нужно прекратить это, остановить поток моих похотливых мыслей. Мне не нужны отношения, тем более сейчас. Но эти глаза, эти губы, хочется, чтобы они были только моими. Хочу смотреть в эти два омуты постоянно и ощущать его тепло на своих губах. Майк

резко притягивает меня за голову к себе и впивается поцелуем, а я моментально забываю обо всем. Голова начинает кружиться, а руки запутываются в его волосы и притягивают его еще ближе. Его язык напористо ласкает мой, исследуя каждый миллиметр пространства. Внизу живота снова эти трепещущие бабочки, которые выдают мою страсть и возбуждение к этому человеку.

Хочу, чтобы он взял меня, прямо тут, плевать на прохожих и что о нас подумают. Сейчас я словно иду по канату, по той тонюсенькой ниточке, что держит мое желание остановить все это почти на волоске от полного краха. Если я не остановлюсь, то упаду туда, в омут страсти, и безоговорочно приму то, что влюбилась в него по уши.

— Нет, — отстраняюсь от него. — Майк, послушай. Я знаю, что возможно не лучшее время для разговора. Но нужно сделать это сейчас.

— Что происходит? — с прищуром смотрит на меня.

— Я не хочу отношений. По крайней мере, сейчас. Я только окончила университет, и хочу насладиться своей жизнью и карьерой по полной. А если сейчас мы не остановимся, то уже через некоторое время я либо буду сожалеть о том, что начала это все, либо мои, наши вещи окажутся в одной квартире. В первом случае, это повлияет на работу, а во втором... во втором это тоже повлияет на работу или приведет к первому случаю. Наша профессия не позволяет иметь отношений. Тебя не будет двадцать пять дней в месяц дома, и меня. Мы можем вообще не пересекаться. Ты понимаешь?

Смотрю на Майка, во взгляде которого вижу, что он действительно понимает, и уголки его глаз выдают улыбку.

— Понимаю. Именно поэтому у меня нет девушки.

— Вот и я о чем. Давай мы просто оставим все как есть. Просто будем друзьями.

— А может, мы будем уноситься в охренительно страстную ночь секса, когда будем вместе в городе? — спрашивает он, накручивая локон моих волос на палец.

— Нет.

— Почему? — изумленно смотрит на меня. — Что в этом плохого?

Он не понимает, насколько сильно запал мне в душу? Не видит, что стоит ему прикоснуться ко мне, как я готова отдаться ему? Не слышит, как сбивчиво говорю, когда он в такой опасной близости ко мне?

— Я не хочу влюбляться в тебя. А регулярный секс, хоть и не частый, может этому способствовать, — опускаю взгляд на свои переплетенные пальцы.

— Влюбиться? — не верит моим словам. — Ты влюбляешься в меня, Кира?

— Нет! — быстро выплевываю я. — Но это ведь может случиться.

— Может, — задумчиво говорит он, смотря в окно перед собой. — Значит, друзья? — протягивает мне руку, как бы предлагая завершить наш уговор рукопожатием.

— Друзья, — вкладываю в его руку свою. А по телу уже бегут мурашки, которые словно миллиарды магнитов разбегаются по моему телу и тянут к Майку.

Чуть наклонившись ко мне, Сандерс шепчет мне на ухо:

— Говори мне, что хочешь. Но я вижу, как ты реагируешь на меня. И поверь, наша дружба не продлится долго. Однажды, Кира. Поверь. Однажды ты снова окажешься подо мной, страстно выкрикивая мое имя, пока мой член будет входить и выходить из твоего аппетитного тела. А пока, ты можешь тешить себя иллюзиями, что мы будем просто друзьями. Пока ты сама не придешь к этому, я буду помогать тебе в твоей игре. — Отстраняется обратно и продолжает смотреть на меня, будто он сорвал куш.

— Знаешь что, Сандерс. Ты полный засранец. И я никогда не попрошу тебя об этом, — выхожу из машины и громко захлопываю дверь.

— Самоуверенный кретин, — бубню себе под нос, взбегая по лестнице и входя в коридор дома. Закрыв дверь, я облокачиваюсь на нее спиной и, прикрыв глаза, на лице появляется улыбка. Ему не все равно, и для него это все не игра. А значит, он в моих руках и правила сейчас устанавливаю я.

— Что ж, Майк Сандерс, еще увидимся.

История четвертая: Куба

Куба. Десять часов вечера. Хорошо, что в номере работает кондиционер, потому что, когда я вышла из самолета, мои легкие наполнил не свежий и прохладный воздух, о котором я мечтала весь полет. Здесь жарко и душно. Воздух необычайно горячий, поэтому о глубоком вдохе тут можно позабыть. Но сейчас я лежу в номере, попивая какао с зефиром и наслаждаясь новой серией «Теории большого взрыва», от смеха проливая на себя коричневый напиток.

— Ты не дала мне досмотреть серию! — меня прерывает Эмили звонком по скайпу.

— Привет засранка! И почему ты не звонишь?

— Я написала тебе! — Эмили требует, чтобы я сообщала ей, когда приземляюсь. С каждым разом она беспокоилась обо мне все больше и больше.

— Кира! Не раздражай меня! Ты знаешь, что я волнуюсь за тебя, пока вы не приземлитесь. Черт, я будто стала твоей мамой, которая беспокоится за свое дите.

— Так оно и есть. Привет, зануда! — улыбаясь, я машу ей в камеру. Боже, как же я соскучилась по времени, которое проводила с ней раньше. Теперь мы видимся пять дней в месяц, урывками между рейсами, до и после них. Я ужасно соскучилась по ней, и каждый раз встречаясь, мы стараемся проводить больше времени вместе, когда выпадает такая возможность.

— Ну как тебе Куба? Уже успела погулять?

— Эмили, тут жара ужасная. Я еле добралась до отеля и все о чем могла мечтать — прохладный душ. Я туда ни ногой.

— Кира, вот скажи мне, ты что — ненормальная? — подруга крутит указательным пальцем у виска, давая понять, что она действительно считает меня сумасшедшей. — Ты на чертовой Кубе и сидишь в номере? Тебе что, не хватает Нью-Йоркской квартиры? Или ты шла на эту работу только чтобы торчать над Землей?

— Именно так. Я хотела летать. Забыла? — киваю ей, слегка улыбаясь.

— Налеталась? Теперь слушай меня внимательно. За стенами твоего идиотского номера и отеля куча баров, ресторанов, клубов и прочей ерунды. Я хочу получать каждый час от тебя новые фотки в инстаграмме. Ты поняла меня?

— Подруга, ты ненормальная, — смеюсь над ней.

— Это ты ненормальная. Поднимаешь свою задницу сейчас же и идешь гулять, иначе я перекрашу твою комнату в розовый цвет! — Эмили угрожающе смотрит на меня.

— О, нет. Только не в розовый! Ты не посмеешь, это моя комната и ты знаешь, что я ненавижу этот цвет.

— Еще как посмею! Вот увидишь. А теперь, вперед. Юбку покороче, губки поярче и с улыбкой на губах веселиться. Хочу от тебя бусы из цветочков, которые вешают на шею.

— Может еще бюстгальтер из кокоса?

— Нет, это перебор, — чуть сощурился один глаз и шипя, говорит Эмили. — Все я пошла.

Ричард пришел.

— Ричард? — непонимающе спрашиваю ее.

— Да, мой новый будущий секс раб. Потом расскажу. Пожааа, — протягивает она, посылая воздушный поцелуй и отключается.

— Пожаа, — говорю я уже в пустой экран. — Ненормальная какая-то. Стоило же связаться с ней. — Я усмехаюсь и снова включаю сериал, желая досмотреть серию. Но как только она заканчивается, понимаю, что ненормальная здесь — это я. Куба, за окном жара, море, куча людей, но я сижу одна в четырех стенах с сериалом, который знаю наизусть. Идиотизм.

Резко захлопываю крышку ноутбука, откидываю его в сторону на кровати и иду на балкон. Воздух на улице стал значительно свежее, отовсюду слышится музыка, которая смешивается в ужасную звуковую кашу. Совсем одна. Эта работа имеет кучу плюсов, но и немало минусов. Когда я окончила университет, то дала себе слово, что узнаю мир и буду получать от него все по максимуму. Но в итоге, я снова сижу в комнате одна, только не у окна, как раньше, а на кровати. Я хотела быть похожа на Саманту из «Секса в большом городе». Эта женщина получала все, что хотела. У нее была любимая работа, как и у меня, охренительная внешность, которая присуща и мне. Но у нее постоянно были мужики, которые доставляли ей ежевечерний оргазм. Но вот этого мне не хватало. Кроме Майка, у меня был только один парень, который в сравнении с Сандерсом был неопытным мальчишкой. И сейчас, когда я свободна от оков учебы и готова познавать взрослый мир, то кроме этого голубоглазого пилота никого не хочу. Какого черта это вообще произошло со мной?

Смотрю вниз, на гуляющих людей, которые смеются, танцуют, пьют, кто-то даже намеревается искупаться, но неуклюже падает под напором волн. От этого мне становится смешно, как и друзьям того мужчины, который лежа на спине пытается встать и выйти из моря. Друзья... Мы договорились с Сандерсом, что будем друг для друга таковыми. Но этот мерзавец снится мне так часто, что кажется, будто он не выходит из моей головы. Поэтому мне нужно забывать о нем временами и начать думать о других красавчиках, которые могут доставить мне куда больше оргазмов, чем он.

— Точно. К черту Сандерса. Просто друзья и ничего больше, — ударяю ладонью по перилам балкона, еще раз убеждая себя в правильности своего решения. — Вперед, к новым оргазмам, Кира! -

«Тем более что игрушка осталась дома в Нью-Йорке», — мысленно добавляю и, кивнув самой себе, отправляюсь собираться.

Через некоторое время я бреду по набережной, которую видела из своего номера. Вблизи людей кажется больше, звуки из баров громче, огни ярче. Все такое живое, невероятное. Теплый ветерок обдувает мое лицо, которое моментально расплывается в чуть заметной улыбке. Пахнет чем-то непередаваемо вкусным, чем-то родным, и от этого рот наполняется слюной, а живот требовательно урчит. Поэтому я захожу в бар, листовку которого мне дали парой заведений ранее, приглашая на концерт какой-то группы. Как только я села за маленький столик для двоих, ко мне тут же подошла официантка. Довольна милая, не считая ее фиолетово-синих волос, проколотой губы и нескольких тату.

— Привет, — говорит девушка, передавая мне меню. — Сегодня у нас концерт, поэтому предлагаю взять банку пива и закуски, иначе стол могут перевернуть прямо на тебя.

Меня несколько ошарашило то, что она сказала это абсолютно ровным тоном, не

поднимая на меня взгляд, готовая записать мой заказ. От этого я засмеялась.

— Привет. Окей, тогда мне безалкогольный мохито и что-нибудь к нему. Но я голодная как слон, поэтому не предлагать мне снеки.

Девушка подняла на меня свой оценивающий взгляд, и чуть приподняв уголок проколотой губы, усмехнулась.

— Ну, судя по тебе, — указывает на меня ручкой, — низкокалорийный салат?

— К черту салат, хочу мяса, да посочнее, — смеюсь я.

— Ок, тогда я принесу тебе бургер с картофелем, если ты не противница фаст-фуда.

— Ни капли.

— Принято. Что-то еще?

— А что за группа сегодня выступает? — интересуюсь, глядя на сцену, на которой парни выставляют аппаратуру парни.

Официантка поворачивает голову, и чуть прикусив губу, улыбаясь, снова возвращается ко мне.

— Это какая-то русская рок группа, но ударник у них что надо, — на ее щеках появляются ямочки. — Не знаю, что они будут петь, но я глаз не спущу с того парня.

— Тогда принеси-ка мне мой обещанный бургер поскорее, чтобы я не ждала его весь вечер. Иначе с голода я сама выйду на сцену и закричу в манере этих рокеров. — Улыбаясь, отдаю меню девушке.

— Окей. Счет я тоже принесу сразу. Уверена, что не хочешь пива?

— Уверена. Просто сок.

— Десять минут.

Мой телефон мигает, оповещая о входящем сообщении. Глянув на дисплей, вижу отправителя — Майк. Боже. Он везде меня найдет.

«Коротаешь вечер в одиночестве? Может, я составлю тебе компанию?»

Каждый день мы переписываемся, узнавая, как прошел день, что было нового, кто — где находится, чем занимается. На самом деле это уже вошло в привычку, и как бы я не хотела убедить саму себя, что Сандерс мне не интересен, это было не так. Но и признаваться в этом я не собираюсь, тем более ему. Поэтому все это время мы переписываемся и узнаем друг друга лучше с каждым разом. И постоянно я ощущаю себя идиоткой, за которой ухаживает парень, предлагая постоянный секс, но я отказываю. Это напоминает нескончаемую мыльную оперу.

«К сожалению, я не одна», — решаю его поддразнить. Но ответ приходит моментально.

«Если бы ты была не одна, ты бы не отвечала мне»

«Наверное, ты считаешь себя чрезвычайно умным и проницательным. Но я боюсь тебя огорчить. Поэтому предлагаю тебе выбраться из своей берлоги и применить свои штучки на ком-то другом, вместо меня».

Тут резкий шум заполняет все пространство вокруг, и ударная волна басов проходит по всему телу, сопровождаясь мурашками и всплеском адреналина. Затем я слышу гитарные аккорды, и снова удар. Поднимаю взгляд на сцену — концерт начался и на сцену вышли четыре участника. Один весь покрыт тату, в черной майке и широких черных штанах. Его волосы убраны в хвост на затылке, поэтому вряд ли он будет трясти ими, как большинство исполнителей такого рода музыки. По бокам два гитариста. Один высокий блондин, в футболке, джинсах и кедах, второй в толстовке и свисающих штанах. Его черные волосы плавно переходят в небольшую бороду, и он уже на ходу начинает трясти шевелюрой.

— О нет, — ворчу себе под нос. Я очень не люблю это.

Но мой взгляд приковывает барабанщик. На нем надеты только шорты до колен и обувь. Накаченное тело просто идеально для меня. При каждом ударе о тарелки, его руки напрягаются, и это просто не может, не понравится. Стильно подстриженные темные волосы, уложены челкой кверху. И, черт возьми, но я поняла, что в мужиках мне нравятся глаза. Два темных омота, которые обводят зал и публику взглядом. Мимика его лица невероятна. Он словно вкладывает всю свою душу в игру. Видно, что для него это не просто работа. Это нечто большее для него. Это ровно то же самое, что для меня небо. С каждым ударом эмоции на его лице становятся более выражены. Я не понимаю, о чем поет мужчина в черном, не замечаю гитаристов, для меня центром внимания стал этот барабанщик. Я чувствую его игру всем телом.

— А я о чем говорила, — кричит рядом со мной официантка, которая принесла мой заказ.

— О, да. Он невероятен, — теперь уже моя очередь покрываться румянцем и прикусывать губу.

— Надеюсь, сегодня ночью, он будет заставляя меня кричать его имя, пока я кончаю.

Я смеюсь над ней, но сама где-то в глубине души желаю того же самого. Девушка уже давно ушла, а я забыла о своем голоде и стою возле сцены, глядя на него как замороженная. Мои ноги непроизвольно пританцовывают в такт его движениям, и мне хочется уже не просто стоять и смотреть на него, хочется прыгать и танцевать. В помещении становится душновато от того, что все подходит к сцене, но мне все равно. Я просто не отрываюсь от него. И тут он переводит свой взгляд на меня. Черт, это снова повторяется. Что за дежавю. Все с точностью как было с Сандерсом. Но парень улыбается мне и подмигивает, от чего на моем лице появляется дурацкая улыбка.

— Я смотрю, ты вовсю веселишься. — Чувствую на плече чью-то руку и крик в ухо. Повернувшись, я вижу еще одну пару очаровательных глаз, которые так мне знакомы, и мой живот стягивает в тугий узел.

— Сандерс, ты, что здесь делаешь? — так же криком отвечаю ему, но не перестаю двигаться. Я просто не могу отпустить эту музыку и остановиться.

— Решил составить тебе компанию, зная, как ты проводишь время в одиночестве вечерами.

— Но я не одна. — Снова перевожу взгляд на барабанщика, который продолжает смотреть на меня, но, уже чуть хмурясь, поглядывает на Майку. Сандерс следит за моим взглядом, и сталкивается с ударным.

— А, я вижу. Пошли. — Тянет меня за руку и уводит к своему столику, за которым нет стульев, поэтому я ставлю свой коктейль и продолжаю танцевать. Но мои мысли делятся на две части. Я хочу прижаться к Майку и танцевать рядом с ним, но не хочу, чтобы это видел тот парень на сцене. Эти шоколадные глаза преследуют нас.

— Так значит, понравился парень?

— А он ничего. По крайней мере, не подглядывает за тем, как я кончаю, — подкалываю его.

— Ты знаешь, мне кажется, что я и сейчас это делаю. Признайся, что ты хочешь его? — Майк делает глоток пива из стеклянной бутылки.

— Что? — он выводит меня из равновесия своим вопросом, и я останавливаюсь. — Ты сдурел? Почему я должна с тобой говорить об этом? И вообще, что ты тут делаешь? —

понимаю, что все еще не узнала, как он тут оказался.

— Мой рейс был через четыре часа после твоего. Поэтому найти тебя было не сложно. Я знал, что далеко ты не пойдешь, поэтому заглядывал во все ближайшие заведения и тут увидел тебя, сохнущую по звезде вроде них, — кивает в сторону сцены, — как верная фанатка.

— Фанатка? — смеюсь над его словами. — Я их впервые вижу.

— А с виду не скажешь, — делает еще глоток.

— Знаешь что, Сандерс. Скажи мне, мы ведь друзья? — его строгий взгляд встречается с моими глазами.

— Мы вроде договорились, но ты знаешь, что я предпочел бы, чтобы ты была мне не просто, кхм... другом... — специально откашливается, чтобы сделать акцент на слове «друг».

— Вот тогда я скажу тебе как друг, а вернее напомню — я не собираюсь с тобой спать, если ты на это рассчитываешь. Оглянись вокруг. Тут столько девочек, которые снимут свои трусики ради тебя. — Я делаю круг указательным пальцем, чтобы он обернулся и увидел брюнетку, которая так и хочет, чтобы Сандерс ее заметил. Она явно готова прыгнуть к нему в постель, как и я. Но я себе такого не позволю. Не сейчас. Прошел уже месяц с нашего последнего секса, и я хочу, чтобы его чары надо мной развеялись, и это желание переспать с ним прошло. Но стоило его сейчас увидеть, как вновь по телу пробежал огонь и холод одновременно, унося с собой все старания, не помчаться к нему домой при первой возможности.

— Ты о ней? — он указывает на брюнетку.

— Да. Спорим, что она доставит тебе куда больше удовольствия, чем вечер в моем обществе с последующим обломом?

Майк смеется надо мной: — Да, понимаю, но и тебе не светит с тем парнем на сцене. Но с той крошкой я не прочь поразвлечься, раз ты решила опять меня бортануть.

В груди что-то предательски сдавило.

— Да, ты правильно понимаешь — не светит. А на счет того красавчика — ставлю сотню, что он будет в моем номере сегодня.

— Сотня? Ты настолько уверена в себе?

— Уверена, более чем.

— Тогда по рукам, — он протягивает мне руку.

— По рукам, Сандерс. Готовь свои деньги. — Вкладываю свою руку в его, но он резко притягивает меня к себе.

— Я то приготовлю. Но вот твои деньги мне не нужны. И если тот тип тебе откажет, то сегодня ты будешь моей. Идет?

— Сандерс, мы договорились, что между нами не будет секса. А я только начинаю вкушать все прелести взрослой и развратной жизни. Поэтому я приложу все усилия, чтобы выиграть наше пари. Договорились, — крепче сжимаю его руку, и, разорвав рукопожатие, иду обратно к сцене, где тут же ловлю на себе взгляд черных глаз.

Сейчас по отношению к Майку я была похожа на шлюху. Дешевку, которая ведется на деньги или спор. Но я хочу, чтобы он понял, что я ветреная и не серьезная. Хочу показать ему, что я слишком молода для моногамии. Хочу, чтобы он оставил меня в покое и вылез из моей головы.

Два часа спустя концерт заканчивается, и все участники группы подходят к краю сцены,

чтобы попроситься. Я подбираюсь ближе к центру площадки, но барабанщик и сам сделал то же самое. Он подошел к краю сцены и присел на корточки, чтобы быть ближе ко мне.

— Привет, красавица, — говорит он с диким акцентом. Но это только заводит меня. В его произношении нет ничего мягкого и изящного. Но он говорит так свободно, поэтому я мысленно ставлю ему галочку.

— Ну, привет, — облакачиваюсь локтями о сцену. — Так значит, вы закончили? Не хочешь сбежать от своих приятелей и уйти со мной?

Парень расплывается в самой охренительной и сияющей улыбке.

— На Кубе все такие?

— Какие?

— Такие прорывные.

— Нет, только я. Тем более, я американка.

— Да неужели. Хотя, я думаю, что с твоей внешностью мне все равно. — Парень поднимается и подходит к вокалисту, говоря ему что-то. Оба смотрят на меня и улыбаются. А потом брюнет снова возвращается ко мне, и спрыгивает со сцены вниз. — Идем?

Я понимаю, что вечер не закончится обсуждением погоды и прогулкой по берегу. Всё случится либо в его номере, либо в моем. И меня разрывают эмоции. Я смотрю вглубь бара, выискивая те глаза, которые впервые покорили меня в стриптиз клубе, и нахожу его. Только теперь он смотрит на другую. На ту привлекательную брюнетку, что хотела соблазнить его на расстоянии. Они смеются, она трогает его. И мне абсолютно неприятно на это смотреть. И я еще раз убеждаюсь, что слишком привязалась к нему. И я покажу этому Сандерсу.

— Нет, подожди, — тяну его обратно, и парень останавливается. — Я не хожу с незнакомцами.

— Ник.

— Кира, — улыбнувшись, теперь я тяну его вперед, выволакивая из бара на улицу.

Не спеша мы идем по направлению к моему отелю.

— Так откуда ты, Ник?

— Из России. Сейчас у нас тур с группой. И я очень рад, что мы заехали сюда, — подмигнув мне, он улыбается и крепче сжимает мою руку. — А ты здесь отдыхаешь?

— Я тут по работе?

— Работе?

— Да, я стюардесса.

— Вау, — Ник останавливается, и чуть отходит от меня, и, не отпуская мою руку, осматривает меня. — Ты такая маленькая, хрупкая, и работаешь на такой сложной работе? Я поражен. Как так получилось, что эта опасная работа стала твоей?

Я опускаю взгляд на кирпичную плитку под ногами, но понимаю, что там вдохновения для своей истории не найду, и затем поднимаю взгляд на верх, на небо, которое сейчас прекрасно. Сочетания голубых и розовых облаков на закате просто необычайно красиво.

— Мне кажется, что я видела то же самое, когда смотрела на твою игру. Сначала, я просто захотела летать. Каждый день я смотрела на облака и пролетающие мимо самолеты. И мне всегда хотелось оказаться на борту любого из них. А затем, я окончила университет и решила поступить в школу бортпроводников. И вот. Я уже месяц летаю. И это самое замечательное чувство.

Ник смотрит на меня, и в его глазах видны огни.

— А ты? Как ты стал играть в группе?

— Ну, я стал играть лет десять назад. Каждая группа была лучше и лучше. И потом Сергей пригласил меня в эту. И ты права. Я обожаю то, что я делаю. Стараюсь выкладываться по полной.

— Да, это видно, — перевожу взгляд с неба на парня и улыбаюсь.

— Даа, — Ник так же смотрит на меня. — Тебе нравится такая музыка?

— Вообще-то, не очень, — говорю ему правду и морщусь. — Но если в каждой такой группе будут такие красавчики, как ты, то, несомненно, она мне понравится.

— Знаешь, — он притягивает меня к себе, и кладет одну руку на мою поясницу, — мне кажется, что ты видишь меня насквозь. Мы знакомы несколько минут, но ощущения, что я хочу тебя каждую секунду, с того момента как увидел. — Проводит пальцем по моей губе, а затем целует. Его мягкие, теплые губы, такие сочные, такие желанные. Я кусаю нижнюю. Боже, это восхитительно. Я хочу, чтобы они касались мне везде. Я закрываю глаза, наслаждаясь его поцелуями и прикосновениями. Ник притягивает меня к себе, и я чувствую, как сильно он хочет меня. У меня сносит голову от нахлынувших эмоций и того, что сейчас происходит. Все накатило как вихрь урагана среди ясного дня. Неожиданно и необдуманно. Но это то, чего я хочу. Хочу доказать самой себе, что Майк — это не то, что мне нужно сейчас. Я могу получать такое удовольствие везде и всегда и с любым, кого выберу сама, таким, как Ник.

И незаметно для меня мы с кареглазым парнем заваливаемся в мой номер, стягивая по пути к кровати все вещи, стараясь не разрывать поцелую. Кажется, что если мы прервемся, то вся наша связь исчезнет. Падаю спиной на мягкую постель, а сверху наваливается Ник. От наслаждения из меня вырывается стон, и я запрокидываю голову назад. Но, прикрыв глаза, я не ожидала, что вместо того, кто сейчас нависает надо мной, я увижу в мыслях эти, чертovsky, голубые глаза.

«Долбаный Сандерс. Проваливай из моей головы!» — мысленно умоляю сама себя. Но вместо этого мысли еще дальше уносят меня в его квартиру, к его рукам, пальцы которых ласкали меня. К его губам.

— Боже! — я резко встаю, и закрываю лицо руками.

— Что? Что случилось? — Парень садится на колени, и убирает от моего лица руки, чтобы я смотрела на него.

— Прости... Прости я не могу.

— Все хорошо. — Парень пытается восстановить дыхание и падает на кровать, а я валюсь рядом.

— Прости, это все в моей голове. Я ненормальная какая-то, — усмехаюсь я и снова закрываю лицо одной рукой.

— Ты ненормальная? Как тебя допустили до работы на самолете? — смеется Ник. — Это тот парень? Из бара? Ты с ним?

— Нет, не с ним! — тут же пресекаю его мысли. — Но этот урод явно со мной. Я не могу убрать его из своих мыслей. И я не хочу спать с тобой, а думать о нем. Это как то... — выдыхаю, убирая от лица руку, и поворачиваюсь к нему. — Не правильно.

— Не правильно, — медленно растягивает слова со своим смешным акцентом. — Ты замечательная девушка. И я рад, что встретил тебя. Надеюсь, ты не против, если мы с тобой будем общаться. Это здорово, что есть человек, такой же больной от своей работы.

— Договорились, — соглашаюсь я. Действительно, это замечательно, что есть еще такой же человек, как я.

Собравшись, Ник выходит за дверь, а я стою, провожая его взглядом.

— Ты невероятна, — еще раз целует меня, и заправляет за ухо прядь моих волос.

— Давай не забывать друг друга. И почаще смотри в небо, вдруг там буду пролетать я, — обнимаю его, поглаживая по спине.

— До встречи, Кира.

— До встречи, Ник.

— Никита. Это мое полное имя.

Я пытаюсь повторить, но Ник только смеется над тем, как я это произношу.

— Пока, рыжая.

— Пока, кареглазый. — Смотрю в след парню, и как только он скрывается за закрывающимися дверцами лифта, подмигивая мне, я захожу в номер, захлопывая за собой дверь, и скатываюсь по ней вниз, обнимая колени руками.

— Долбаный Сандерс, — ударяю кулаком по двери. — Я не хочу тебя. Ты мне не нужен. Но твою мать, я уже в тебя влюбилась. Как последняя идиотка. А ты сейчас с другой, чего не позволила себе я.

Слышу, как вибрирует мой мобильный, поэтому поднимаюсь и бреду к сумке.

«Не хотел отвлекать тебя, но... может, откроешь?»

Цокнув, на моем лице вновь сияет улыбка, и я подхожу к двери, открываю ее, а там стоит Майк, облокотившись одной рукой о стену.

— Я тут проходил мимо, с одной, кхм, дамой, и увидел того парня, с бара. Кира, я не могу тебе позволить... — Я притягиваю его к себе, затыкая поток его мыслей своими губами. И будь что будет сегодня.

История пятая: Конец

От лица Майка

— Привет, Диас. Стараешься заесть сладким ночь бурных оргазмов? — Я отодвигаю стул, и сажусь рядом с Кирой за стол.

— Сандерс, будь ты чуточку умнее, то понял бы, что испортишь мне завтрак своим присутствием, — дерзит девушка, чуть прищуриив глаза.

— Ах, да. Видимо еще одного раза нам не хватило, чтобы ты не была такой стервой сегодня, — отрезаю ножом кусок панкейка и отправляю его в рот. Вкус кленового сиропа заполняет мой рот, и губы растягиваются в довольной улыбке. Запиваю всё апельсиновым соком.

— Просто ты настолько быстр, что я не успевала насладиться всем процессом. — Я смотрю на Киру, которая надеется задеть меня своими словами, но я знаю, что она врет. Девушка всегда смешно морщит нос, когда пытается солгать, что она и делает прямо сейчас.

— Хм, а мне казалось, что все твои крики и стоны говорят совсем об обратном. Ты умоляла меня повторить еще раз, после очередного оргазма. Причем твоего, в то время как я еще только начал.

— Не будь столь самоуверенным, Сандерс. И вообще, когда у тебя рейс обратно?

— Через две недели.

— Что? — удивляясь, почти кричит девушка. — Ты будешь тут две недели? Боже, надеюсь, ты составил себе маршрут не по тем же местам, куда и я собиралась. — Закрывает лицо руками, стараясь скрыться от меня. Но я в ответ молчу, отправляя в рот очередной кусок панкейка с сиропом. На самом деле, проснувшись утром, я увидел рядом с зеркалом

листок с планом ее маршрута на эти две недели. И у меня уже был готов свой план в голове.

— Я бы на твоём месте не был столь самонадеянной. Хотя, я уже бывал здесь, и все излюбленные туристами места знаю наизусть. Теперь я хочу побывать там, где еще не был.

— Вот и замечательно, а теперь, не мог бы ты пересесть за другой столик и оставить меня завтракать одну, пока ты окончательно не испортил мой день? — Дерзкая девчонка. Обожаю в ней это качество.

— Как прикажите, мисс Диас. — Я встаю со стула. — Ой, что же это, все места заняты. Какая жалость, — наигранно говорю ей, — поэтому я буду завтракать тут. — Сажусь обратно, на что Кира разъяренно рычит.

— Долбаный Сандерс. Да что же ты пристал ко мне. Подавись ты своим завтраком, — говорит она, и, встав со стула, удаляется, оставляя едва тронутый завтрак на столе.

Кира невероятно странная личность. Она веселая, милая, дерзкая, красивая, смелая на работе, но в личной жизни полная трусиха. Каждый раз, когда я целую ее — она сама отдается мне. Каждый раз, когда я касаюсь ее, я вижу, как по ее телу пробегают мурашки и поднимаются волоски на руках. Если бы это была просто страсть, то такая реакция давно бы прошла. Но нет, эта девчонка влюбилась в меня, ровно так же, как и я в нее. Но она боится это признать, поэтому я сделаю все, чтобы она поняла это, приняла и сказала мне об этом.

Тот момент в клубе, когда я впервые увидел эту кнопу рыжих волос, с опрокинутой назад головы... её рот был приоткрыт в идеальной «О» от того наслаждения, что доставлял ей стриптизер. И именно в ту секунду я захотел оказаться на его месте. Даже не видя ее лица, я понял, что она нужна мне. Что я хочу только ее. И что все остальные женщины — это просто мелкие камушки на пути к моему сапфиру. И каждый раз, когда ее губки складываются в соблазнительный круг, я не могу устоять перед ней. Она моя погибель и мое возрождение к жизни. Ее зеленые глаза... сколько разных эмоций я в них вижу, и каждый момент наших переглядываний четко отпечатался в моей памяти. Особенно тот день, когда я увидел их в учебном классе. Предыдущим вечером я хотел вернуться в клуб и найти эту бестию, но моя сестра была изрядно пьяна, расположившись на моем девичнике, и мне нужно было доставить ее домой до того, пока она не наделала глупостей. А когда сам вернулся домой, то уже отчаялся вновь встретить «рыжую», ведь я не знал о ней абсолютно ничего. И этот сюрприз на следующий день в школе — был для меня настоящим испытанием. Мой член успел отреагировать на нее быстрее, чем мозги. Пока я стоял и не мог поверить своим глазам, эта чертова штука в штанах становилась твердой и доставляла ужасный дискомфорт. Но выплеснувшаяся вода из стакана вернула меня к реальности, и я быстро ретировался. После этого я уже знал о ней все. Абсолютно все. А за три месяца успел узнать и ее характер. И пусть я буду самым настоящим мудаком, но эта девочка будет только моей. Я сделаю все, чтобы она психовала, бесилась, и источала страсть. В этом вся она, это то, что заводит ее еще больше. Это моя Кира Диас, та, которая мне необходима.

— Кира! — окликаю ее. Девушка поворачивается, а мое лицо озаряет самая дьявольская улыбка. — Не забудь, что твои трусики все еще висят на дверце шкафа, куда я их вчера случайно закинул.

Люди, которые сидели в столовой, сразу перестали завтракать и обратили на нас внимание: кто-то — осуждающе; кто-то — смеясь и подшучивая. Но мне было все равно. Я смотрел на нее. Сначала щеки девушки залились румянцем от смущения, но затем еще больше покраснели от злости, которая распирала ее изнутри прямо сейчас. Но я, посмеиваясь, продолжаю завтракать, отрываясь от нее, и краем глаза вижу, как она

медленным шагом возвращается назад.

— Послушай-ка, Сандерс. Если ты думаешь переиграть меня моим же способом, то тебе это не по плечу. Я знаю столько различных приемов, как заставить тебя сожалеть о сказанном, что тебе и в самом страшном сне не снилось. — Девушка, наклонившись, шепчет мне прямо возле уха, чтобы услышать ее мог только я один, но тут же я ощущаю промеж ног ее руку, поглаживающую мой член, который моментально реагирует на ее напористое прикосновение. — Поэтому скажу всего немного: не играй со мной, Сандерс. Себе же хуже сделаешь. — Адская боль сковывает меня от того, что мой член угодил в ее кулак, который она сжимает с каждой долей секунды все сильнее, дожидаясь моего ответа, но я даже вдохнуть не могу. — Уловил мысль?

— Да, — через силу выдаю я.

— Вот и славненько. Приятного аппетита, малыш, — чуть потрепав меня по щеке, Кира берет булочку и выходит из столовой, оставляя меня наедине с осуждающими взглядами посторонних людей. Я перевожу взгляд на тарелку, но аппетита уже нет. Девчонка хочет поиграть, снова. А мне просто сносит крышу, когда она бросает мне вызов. Это злит, возбуждает, будоражит. Черт! Она бесподобна! И она будет только моей. Бросив салфетку на стол, я резко встаю из-за стола, вновь привлекая внимание окружающих резким звуком отодвигающегося стула, и иду в том же направлении, куда ушла моя бестия.

От лица Киры

— Постой! — вновь слышу за спиной голос Майка. Этот парень начинает меня раздражать. Я осматриваюсь вокруг. До номера остается всего пара дверей, может, я еще успею от него скрыться? Но мне самой становится смешно от собственных мыслей. Я что — маленькая девочка, чтобы прятаться от назойливых мальчиков?

— Чего тебе?

— Ты говорила, что уже составила себе программу, что бы тебе хотелось посмотреть. Но позволь мне внести в нее корректировки. — Он все ближе и ближе подходит ко мне, пока не останавливается рядом. — Ты побываешь здесь еще множество раз, но вряд ли со мной. Я хочу тебе показать то, что другие видят очень редко.

— И что же это?

— Узнаешь, если поедешь. — Его тело качается взад-вперед от того, что он переступает с пятки на носок, в ожидании моего ответа. Чуть прищутив глаза, я смотрю на него, пытаюсь понять, нет ли тут подвоха, и что он задумал, но по его виду ничего не понять.

— Хорошо, я поеду с тобой. Но никаких публичных высказываний о нашем сексе, ты понял?

— Еще внизу, — подтверждает он. — Ты умеешь доносить информацию.

— Вот и отлично, — открываю дверь в номер и вхожу. — Что мне надеть?

— Купальник. Остальное на твой вкус, — делает неопределенный жест рукой. Через пятнадцать минут жду внизу. — Закрыв дверь, Майк оставляет меня наедине с собой и перед тяжелым выбором одежды.

Но через тринадцать минут я уже спускаюсь вниз, одетая достаточно просто — белая майка, шорты и кеды. От жары на улице волосы снова пришлось собрать в пучок, но так я могу по больше загореть. Спускаясь по лестнице, я вижу Сандерса возле панорамного окна, который разговаривает по телефону, и медленно направляюсь к нему.

— Нет, бабушка, я прилечу только через две недели, не раньше. Нет, я же на Кубе, самолеты летают раз в две недели. Да, тут тепло, — говорит он, вздыхая, видимо разговор его немного утомил. — Да, здесь интересно и весело. Да бабуля, девушек здесь тоже много. Нет, мне не нужно никого искать и выбирать. Послушай, пока мы не начали рассуждения о том, что ты хочешь правнуков, нам пожалуй стоит завершить разговор, потому как Кира скоро спустится. Да, она тоже здесь. Хорошо, я передам ей привет. О, Боже, бабушка. Хватит заглядывать наперед. Не знаю... я спрошу у нее, — в этот момент Майк поворачивает голову и видит меня. — Так все. Созвонимся потом. Целую. — Он отводит трубку от телефона, а я все еще слышу голос Моники — бабушки Майка, и от этого на лице появляется радостная улыбка.

— Она все по-прежнему много болтает и достает тебя? — моя улыбка переходит в смех, и от этого прядь волос выбивается из пучка, падая мне на лицо. Майк тут же тянет руку, убирая ее на место.

— Да, приглашает тебя на ужин, когда мы вернемся, и пытается заставить меня найти себе жену, — его рука чуть больше положенного задерживается на моей шее.

— И что тебе мешает сделать это и осчастливить уже наконец-таки свою старушку? — смех снова переходит в легкую улыбку, но глаза Майка сверлят меня. В них много вопросов и недосказанности. Хочу ли я вообще знать, что он думает прямо сейчас, или мне по-прежнему страшно от того, что он может сказать.

— Едем? — словно прочитав мои мысли, говорит Майк

— Если не передумал, — подшучиваю над ним.

— Не дождешься, говорит Майк и, приобняв меня за талию, выводит из отеля на улицу, где нас уже ждет такси. Мы едем достаточно долго. За окном отеля сменяют простые дома, пальмы, а затем мы и вовсе выезжаем за город. Водитель везет нас вдоль береговой линии, и я могу вдоволь налюбоваться на корабли, яхты, птиц, которые кружат над волнами, и естественно морем. Оно прекрасно. Его звук необыкновенно успокаивает, вдохновляет, а его безграничность, даже немного пугает. Но из головы все равно не выходит, почему Майк не ответил на мой вопрос о поиске жены. Обычно это не в стиле Сандерса, скрывать от меня ответы. Мне кажется, что в постоянной переписке с ним, я уже знаю его от и до. И мы многое обсуждали, не стесняясь и не смущаясь, но сейчас что-то не так.

— Майк? — говорю я чуть слышно, но все еще смотрю в окно.

— Да? — отвечает он, взяв мою руку.

— Расскажешь? — поворачиваю голову к нему.

— Что именно?

— Почему ты не ищешь жену?

Парень переводит задумчивый взгляд с меня на наши руки, но с ответом не торопится. Наверное, пытается решить, что мне положено знать, а что нет.

— А ты бы хотела ей стать?

Что. Он. Сейчас. Сказал?

— Что?

— Ты бы хотела стать женой? — повторяет снова свой вопрос Майк, но уже смотрит на меня.

— Конечно, когда-нибудь я бы хотела стать женой и матерью. Но не думаю, что кто-то сможет терпеть мой характер.

— Нет, Кира. Ты не поняла вопрос.

— Чего тут непонятного.

— Ты бы хотела стать...моей...женой? — он специально выделяет слово «моей», чтобы до меня наконец-то дошло то, что он имел в виду.

Внутри меня словно просыпается гейзер. Мне не хватает воздуха. И голова чуть начинает кружиться. Мысли разбегаются за пределы моей головы, потому что их много и наверняка им не хватает там места.

— Ч-что? — шепотом еще раз произношу я, скорее себе. Я поняла вопрос, но он просто сбивает меня с толку.

— Ты все правильно поняла.

— Майк, я...

— Кира. Я не делаю тебе предложение, — выдыхает Майк.

— Н-нет? — чего? Теперь я совсем запуталась! В голове полный кавардак.

— Нет, я просто хотел узнать, стала бы ты моей женой. Ради интереса.

— Я тебе покажу интерес! — Замахнувшись свободной рукой, я ударяю его по ноге, высвободив вторую, начинаю колотить его, на что Майк пытается защититься, а водитель смеется над нами. — Майк Сандерс! Ты настоящий придурок! — надуваю губы, словно маленький обиженный ребенок, скрещиваю руки на груди и поворачиваюсь к окну.

— Мальщ, не обижайся. Я не хотел ничего подобного. Просто не многие девушки согласились бы быть моей женой при условии, что я бываю дома только дня три-четыре. Поэтому и спросил тебя. Понятное дело, что сейчас мы в равных ситуациях, и тебя тоже не бывает дома. И где мне искать жену? В тех местах, куда мы прилетаем раз в полгода? Дома, когда я провожу время с родными и с тобой?

— Да, кажется, я поняла, что ты имел в виду, — вновь поворачиваюсь к нему, позабыв про обиду.

— И мне кажется, что мне не нужно искать... — он снова смотрит на меня, оставив какую-то недосказанность.

— Мы приехали, — говорит водитель, останавливая машину и разрывая наш зрительный контакт своим вмешательством.

Взглянув в окно, я не увидела ничего, кроме высоких кустов.

— Ну и где мы? Майк, ты обещал что-то показать, но я вижу только пальмы и кусты.

— Пошли, я сказал. Ты прям как Моника — та точно вечно возмущается прежде, чем узнает, что и как. — Смеясь, Сандерс открывает дверь машины и выходит, ожидая, пока я выйду следом за ним. Взяв за руку, он тянет меня сквозь кусты, и через мгновение мы оказываемся на берегу, где стоит небольшая хижина. Мы подходим к лачуге, откуда выходит смуглый парень с выгоревшими от солнца волосами.

— Добрый день, я звонил вам.

— Сандерс?

— Да.

— Сколько досок будете брать?

— Две, часа на два я думаю, — говорит Майк, осматривая меня.

— Какие доски? — непонимающе спрашиваю я.

— Я просто на все миллиард процентов уверен в том, дорогуша, что ты ни разу не каталась на серфе.

— На серфе? Серьезно? — в моих глазах зажигается огонь. Я всегда мечтала научиться

стоять на доске, но мне было стыдно начинать учиться. Я смотрела, как маленькие дети умело стоят на двух ногах на неустойчивой, гладкой доске и умело управляют волнами. — Черт, Сандерс! Я тебя обожаю, — обхватываю его за шею двумя руками и с силой прижимаю к себе. — Боже! Я мечтала об этом! Ты что же, читаешь мысли?

— Нет, просто как-то раз, во время нашего разговора, ты упомянула это, — смеется он.

Взяв в руки доску, я скидываю с себя кеды, ступая босыми ногами на горячий песок, который рассыпается подо мной в разные стороны. Смотрю вдаль на небольшие волны, кажется, что они совсем маленькими для серфа. Одной ногой ступаю на шипящую пену, растекающуюся по песку, растворяясь в нем, второй вхожу в прохладную воду, которая через секунду становится теплой и приятно освежающей. Мое тело покачивается от волн, ударяясь о голени, но я вхожу все дальше в море за Майком.

— Так, а теперь слушай меня очень внимательно, — сказал Сандерс и опустил доску на воду. После этого он начал объяснять, что нужно делать и как, и был очень серьезен. Мне тут же вспомнились наши занятия в авиашколе, на которых Майк вел себя точно так же. После инструктажа, мы перешли к действиям. Сели верхом на доску и стали плыть туда, где волны были чуть больше. А затем я попыталась встать, но упала. Майк поддерживал меня и говорил, что с первого раза редко у кого получается, но я не сдавалась. Падала и падала. Но все же я хотела достичь сегодня своей цели. Хотела показать себе и Майку, что я могу и не отступлюсь. И когда у меня не осталось больше сил, и хотелось вернуться на берег — я сделала это. Я встала на доску, и волна подхватила меня, донеся почти до самого песка. Это было невероятно. Боже, я визжала как ребенок от радости и восторга. Я забыла про усталость, и мне хотелось еще и еще повторять это, совершенствоваться. Но как только я добежала до берега, то поняла, что мое тело не готово к новому раунду, я была вымотана. Рухнув на горячий песок, я смотрела на идеально чистое небо. Не верится, что еще одна моя мечта исполнилась, (достигаются обычно цели) достигнута и в ней снова присутствовал Сандерс. Я видела, как он гордился мной, что я решилась и не останавливалась. И мне кажется, что Майк был со мной таким всегда. Он искренне радовался за меня или переживал. И между нами уже давно нет «просто секса», как я полагала. Все изменилось. Особенно после вчерашней ночи.

— Ты отлично справилась! — говорит парень, рухнув рядом со мной. — Я впечатлен.

— Спасибо, — улыбаясь, отвечаю ему, чуть опустив голову. — Я сама впечатлена тем, что не сдалась еще при третьем падении.

— Это не в твоём стиле — опускать руки при неудачах, — смеясь, говорит он и садится. — Ты сильная, умная, красивая, веселая, — смотрит вдаль, собирая в кулак песок и потихоньку выпуская его обратно.

— Спасибо. Ты тоже...

— И другого подходящего момента я ждать не хочу, — перебивает он. Кира, я хочу, чтобы мы были парой. Настоящей. — Делает паузу. — Хочу проводить с тобой наши выходные. Хочу водить тебя на свидания. Хочу познакомиться с твоей мамой и даже подругой. Мне нравится то, что сейчас происходит между нами, но так же я хочу, чтобы для тебя это все значило то же самое, что для меня. И я не намерен делить тебя больше ни с кем.

В моей голове и ушах появляется какой-то шум. В животе все начинает стягиваться в приятные порхающие ощущения. Где-то в глубине я хотела, чтобы он это сказал, но не думала, что это будет настолько быстро. Ведь еще вчера днем мне не нужны были эти серьезные отношения. Я хотела свободу, получать удовольствие от секса с другими. Но эти

чертовы глаза настолько въелись в мою душу, что я не думаю, что кто-то сможет затмить Сандерса. Но...

— Майк, но ты же понимаешь, что мы можем не видеть друг друга неделями, месяцами, полугодиями.

— Да, я все это понимаю, Кира. Но в этом и весь смысл моего тебе предложения. Там, в небе, ты ощущаешь себя свободной от всех проблем. Но в душе ты одинок. Я хочу ощущать, что на земле меня кто-то ждет помимо моих родных. Я хочу, чтобы ты ждала встречи со мной так же, как и я с тобой. — Майк садится на колени передо мной и берет мои руки. — Честно, у меня было много девушек, но мне и в голову не приходило то, что сейчас я говорю тебе здесь и сейчас. Ты просто словно ураган. Я не могу, я даже не хочу думать о других, Кира.

«Как и я» — мысленно подмечаю, переведя взгляд на наши руки.

— Я давно уже вижу, что у тебя со мной не просто секс. Но я пока не могу принять для себя то, что ты хочешь большего. Майк, ты стал так же дорог мне, и я уже не представляю, что тебя может не быть в моей жизни. Но можно я дам тебе ответ чуть позже, когда все хорошенько обдумаю. Вернее нет, не так. Я дам тебе положительный ответ тогда, когда дойду своими мозгами до того, что сейчас происходит.

— Положительный?

— Да, только положительный. Просто мне нужно как обычно провести часы самоанализа.

— А может я приму участие в твоём копании в себе?

— Нет уж. Твоя помощь приведет нас к очередному оргазму и твоим мольбам повторить это еще раз, подшучиваю над ним.

— Кто бы говорил, развратница. Пошли, — Майк встает и протягивает мне руку. — Отвезу тебя обратно.

Через несколько часов я решаю позвонить Эмили. Наверняка она уже вернулась домой.

— Привет блудница, — вижу счастливое лицо моей девочки.

— Привет! Боже, Эмили, как же я чертовски соскучилась по тебе! — говорю я, строя брови домиком.

— И я тоже. Когда ты возвращаешься? Может твой рейс перенесут на пораньше?

— Нет, такого не бывает, — смеюсь, отвечаю ей. — Обычно могут только задержать.

— Жаль. К твоему приезду я приготовлю твой любимый пирог с яблоками и корицей.

— Эмили, хреновая из тебя подруга, скажу я тебе. Ты ведь знаешь, что здесь нет таких сладостей.

— Но ведь есть кое-что другое, — играет бровями. — Точнее кто-то другой. Как там Майкии? — намеренно протягивает букву «и» в конце его имени.

— Кхм, он... прекрасно, превосходно.

— Кира? — подруга понимает, что что-то не так.

— Он предложил мне встречаться с ним. Но не просто переспали и разошлись, как это было всегда. А серьезно встречаться. И я хочу привыкнуть к этой мысли прежде, чем дать ему ответ.

— Привыкнуть? Ты что, подруга, замуж за него собралась? Черт, девочка. Охренительный и сногшибательный парень, предлагает тебе встречаться, а ты еще думать собираешься? Совсем дура?

— Нет, еще не совсем. Но Эмили, ты сама знаешь, как я отношусь к отношениям.

— Да чихать я хотела. Не вздумай упустить его, Кира. Иначе по приезду домой ты найдешь свои вещи за дверью.

— Эй, ты не посмеешь!

— Еще как посмею. И жду тебя с Мистером Красавчиком на ужин, как только вернетесь. Разумеется, как твоего парня, а не просто член для наслаждения. Поняла?

— Поняла, — выдавливаю я в поражении. Отчасти Эмили сказала мне ровно то же самое, что и я сама думала. Я не могу упустить его. Не сейчас, когда он уже проник полностью в мою душу и сердце.

— Вот и славненько. Кстати. Твоя мама звонила. Ты что, давно с ней не говорила?

— Да, давненько уже. Надо позвонить.

— И поскорее. Она волнуется за тебя. Поэтому, адиос, звони ей, а я пошла готовить себе ужин.

— Пока, малышка. Люблю тебя.

— Это ты лучше своему дружку скажи, а не мне, — смеется Эмили.

— Пока.

— Пока, — мы посылаем друг другу воздушные поцелуйчики, и отключаемся.

Сейчас, или никогда. Разговор с Эмили вселил в меня больше уверенности, и я решаю позвонить маме чуть позже. Выхожу из номера и иду по длинному коридору с красным ковром на полу к номеру Майка. Три стука и ожидание. Доли секунд, словно часы. Сердце колотится в груди, ладони потеют, и воздуха становится мало. Я делаю большой вздох, чтобы успокоиться, и тут открывается дверь. Майк поднимает голову и смотрит на меня своими голубыми глазами. Боже, внутри все сводит и скручивается в узел от этого. По спине пробегает жар.

— Кира?

— Тебе не повезло.

— Почему?

— Потому что я говорю — да, — выпаливаю я, и обхватываю его шею руками, притягивая к себе в страстном поцелуе. Слышу, как он захлопывает за мной дверь и тянет внутрь номера. Его губы с привкусом чая с лимоном, такие вкусные, я кусаю их от удовольствия и ласкаю кончиком языка. Майк стягивает с меня сарафан, и расстегивает бюстгальтер, и затем мы падаем на постель. Страсть окутывает нас. Его руки то с нежностью, то с грубостью блуждают по моему телу, в тот момент, когда я оставляю царапины на его плечах.

— Черт, девочка. Я рад, что ты согласилась, — на выдохе говорит он.

— Я же сказала, что ответ будет положительным, — отвечаю, лаская его ушко и шею своими губами. Майк хватает меня за волосы и снова впивается своими губами в мои. Я сажусь на него сверху, стягивая его футболку, и расстегивая ремень, а затем молнию. И когда он входит в меня, я ощущаю себя так легко и дополнено. Мне не нужны другие. Только он. Я хочу, чтобы только Майк делал это со мной. Хочу выкрикивать только его имя, получая очередное удовольствие. И то, как он владеет моим телом, дает мне понять, что оно только его. И больше ничье.

Две недели на Кубе завершаются обратным полетом. Оказывается изначально разные рейсы, которыми мы прилетели сюда с Майком, совмещают в один. Поэтому домой мы возвращаемся вместе. Как обычно, за три часа до вылета мы собираемся на брифинг. Майка

там нет, но я знаю, что он уже на борту и готовится к полету. Старшая стюардесса вновь распределяет роли. Мне достается первый класс. На нем я еще никогда не работала, и это немного будоражит и радует. Экипажем мы направляемся к нашему самолету. Шаг за шагом ко мне снова возвращается радость. Эти две недели были слово год. Я хотела в небо. Хотела чувствовать невесомость и воздушные ямы. Даже истосковалась по турбулентности. Звук турбин, вид облаком и дугообразного горизонта, который скрывает солнце при закате — вот к чему меня тянуло именно сейчас. А еще то, что во главе моего счастья и на пути домой, самолетом управляет Майк. Этот факт придавал мне некое спокойствие и уверенность в полете, хотя я ни разу не летала с ним. Но надеюсь, мы сможем держать себя в руках на протяжении полета.

Раскладываю накидки на кресла, проверяю питание на борту и все прилегающие документы, осматриваю и проверяю наличие спасательных жилетов и работоспособность кислородных масок. Все в порядке. Через десять минут объявят посадку и потом в полет. С улыбкой на лице я прохожу к открытой двери кабины пилота.

— Сэр, у нас все в порядке, — докладываю я.

Майк поворачивается ко мне, и улыбается:

— Отлично. У нас тоже все хорошо. Тогда вперед. — Он подмигивает мне, на что я закатываю глаза и ухожу встречать пассажиров.

Один за другим на борт поднимаются счастливые и загоревшие люди, которые теперь хотят скорее оказаться дома. И я их очень даже понимаю. Двести одиннадцать человек, семь из них дети. Вроде все на месте, поэтому мы закрываем дверь, и дальше все по списку — проверка, чтобы спинки сидений были подняты, ремни пристегнуты. Инструктаж, и вот я чувствую, как мы начинаем движение. Обойдя всех пассажиров, я дохожу до конца первого класса, докладывая старшей, что все хорошо. Мой взгляд падает на женщину и мужчину, которые сильно нервничают. Обычно на каждом рейсе было несколько таких пассажиров, но эти чем-то отличались. Я всегда старалась разглядывать пассажиров. Только в самолете можно встретить множество национальностей, профессий, религий. Это было очень интересно и иногда даже полезно. Обычно мы всегда определяем несколько пассажиров для себя, кто мог бы чем-то нам помочь. И в своем классе я так же выделила некоторых.

Возвращаюсь на свое место и пристегиваюсь, устремляя взгляд в иллюминатор, чтобы наслаждаться взлетом. И вот оно. Гул двигателей, набираем скорость и отрываемся от земли. Звук убирающихся шасси и мы наклоняемся для поворота. Красота.

Все происходит молниеносно. Визг людей из соседнего класса, Мелисса — старшая бортпроводница соскакивает со своего места и начинает бежать, и... резкий взрыв. Оглушительный звук и пламя охватывают салон моментально. Я чувствую, как самолет начинает терять высоту, а затем выравнивается, но снова наклоняется. Все будто во сне или какой-то идиотской игре. Крики людей, плачь детей, испуганные лица. Сквозь развивающиеся занавески я вижу, что в фюзеляже огромная дыра. Ровно на том месте, где сидела эта странная парочка. Кислородные маски начинают свисать над головами перепуганных пассажиров, но я не вижу Мелиссы. Отстегиваю ремень и бегу к громкоговорителю.

— Внимание всех пассажиров. Просьба оставаться на местах, не паниковать, Надеть кислородные маски. — Повторяю это второй раз, а затем третий. Бегу туда, где только что произошел взрыв, но чувствую, как самолет начинает наклоняться. В эконом классе пробоина, отсутствуют четыре кресла. Многие ранены. И нет Мелиссы. Я возвращаюсь в

первый класс и говорю, что все хорошо, что уже все позади. Беру телефон и нажимаю на кнопку вызова пилота.

— Мелисса? — я слышу голос Майка.

— Это я. У нас огромная дыра в фюзеляже. Мелиссы нет, четырех пассажиров тоже.

Многие ранены.

— Мы уже разворачиваемся.

Я кладу телефон и вновь возвращаюсь в салон, но тут еще один взрыв. От этого самолет снова трясет, и я падаю на пол, ударяясь головой.

— Черт! — кричу я, прикладывая руку к голове, из которой течет кровь, а затем поднимаю глаза. У нас нет части хвоста, весь багаж вылетает наружу. — Боже мой.

— Всем пристегнуть ремни. Мы садимся. — Слышу голос Сандерса, а за окном вижу аэропорт, откуда мы вылетели всего пару минут назад. Я бегу к своему месту и пристегнув ремень, хватаю трубку громкоговорителя, объявляя о том, что необходимо обхватить руками голову и прижаться лбом к коленям. Снова повторяю это несколько раз, а затем сама делаю то же самое.

Резкий и болезненный удар о землю дает понять, что мы уже не в воздухе. Чьи-то ремни не выдержали и отстегнулись, а пассажиры выпали в проход. Итак, после торможения есть всего три минуты. Это то, чему нас учили всегда.

Отстегиваюсь и бегу к двери открываю ее и выпускаю спасательный трап.

— Скорее, скорее, без паники. По одному, вещи не брать, руки скрестить на груди. В этот момент Аннет — еще одна стюардесса, скатывается вниз, чтобы ловить пассажиров на земле.

Все происходит словно в каком-то кино. Звуки сирен, слышатся издалека. Дети плачут, взрослые молятся и плачут. Все хотят скорее выбраться из этой адской машины.

— У нас мало времени. Может рвануть, — говорит Майк, и выбегает помогать пассажирам. По его лицу так же стекает кровь от удара о приборную панель. И вот пассажиров больше нет, я оббегаю салон и вижу на сиденье мужчину без сознания. Пульс есть. Я отстегиваю его, но не могу вытащить с сиденья, он тяжелый.

— Кира, скорее!

— Майк, помоги! — кричу ему, Майк видит, что не все покинули самолет и подбегает ко мне.

— Кира, секунды, остались секунды. Запах бензина.

— Мы не бросим его! — кричу Майку.

Я скатываюсь с трапа, Майк отправляет мне мужчину, который так и не пришел в себя и тут же скатывается следом. Мы берем пассажира под руки и начинаем бежать.

— Бежим отсюда! — кричит Майк всем, кто был поблизости и машет рукой, чтобы все уносили ноги.

Полминуты, и новый взрыв, на этот раз сильный, мощный. Я ощущаю невыносимый толчок в спину, от чего падаю на землю. В ушах звенит, в голове все плывет, я вижу огонь и дым, мигающие огни скорой и пожарной, а рядом Майк.

— Майк, — кричу я, но не слышу собственного голоса. — Майк! — кричу во все горло, но ничего. Слезы ручьем стекают по щекам. Черт! Нет, нет, нет! Пытаюсь подняться, но дикая боль пронзает спину и бок. Я не могу встать, поэтому начинаю ползти к нему.

Голова Майка истекает кровью от удара о бетонное ограждение. Я не вижу, дышит ли он. Но его глаза закрыты. Мне страшно. Страшно, что я больше не увижу его голубых глаз, не

услышу его голоса. Он нужен мне. Нужен больше всего на свете. Я не смогу без него. Паника только теперь охватывает мое тело и меня начинает трясти. Я пытаюсь ползти, что есть сил, через боль, крича и мучаясь, но я должна убедиться, что он жив. Оглянувшись назад, я вижу, что за мной остается кровавый след. Я чуть смотрю на свой живот, с которого стекают кровавые капли.

— Майк! — продолжаю кричать я. Рука дрожит, все в глазах темнеет, и я проваливаюсь в этот кошмар, который заканчивается полной темнотой, невесомостью и страхом.

Эпилог

Это повторяется снова и снова. Реальность превращается в кошмар, который я вижу словно на повторе: взрыв, крики людей, Майк. Мой Майк. Я зову его, ищу сквозь огонь, но его нет. Его просто нет. Это душит меня, я не могу дышать, не могу двигаться. Я словно в оцепенении, окутанная пламенем. Все горит, мне больно. Но я по-прежнему не слышу свой голос. Пытаюсь пошевелиться, но руки, словно перышко против бури — не поддаются. А потом постепенно все проходит. Боль, страх, пламя и воспоминания о Майке. Я вновь проваливаюсь в пустоту.

Голова тяжелая и пульсация отдается, словно во все тело. Я хочу открыть глаза, но у меня не получается с первого раза, поскольку яркий свет ослепляет. Я моргаю и снова пытаюсь открыть глаза. Во рту все пересохло, хочется сделать глоток воды. Чуть отдаленно я слышу какой-то пищащий прерывающийся звук.

— Милая? — мама. Я слышу голос мамы. Моей родной. Она здесь, со мной. Приоткрываю глаза, и пытаюсь сконцентрировать взгляд. Мамины белокурые волосы нависают надо мной, и я ощущаю их привычный запах луговых трав. Она гладит меня по голове, а я хочу приподняться, но все тело пронзает боль в спине. — Не вставай. Лежи милая, я позову медсестру.

— Мама, что происходит? — у меня начинает учащаться пульс, но я слышу это только одним ухом, во втором вновь появляется звон.

— Лежи, доченька. Я сейчас вернусь. — Она выходит быстрым шагом из палаты, а затем возвращается, взяв мою руку в свою. Ее теплая и нежная ладонь согревает меня, но не успокаивает.

— Мама, что происходит, что со мной?

— Ты ведь помнишь о самолете. Он упал, — начинает говорить она. Конечно, я помню о самолете. Я помню каждую деталь из всего. Взрыв, крики, плач, взрыв, приземление, эвакуация... Майк.

— Мама, что с Майком. Майк Сандерс, пилот. Что с ним? — начинаю тараторить, но в палату входит медсестра и, по-видимому, доктор.

— Добрый день, мисс Диас. Я доктор Стюарт Март. Как Вы себя чувствуете? — он начинает осматривать мою голову, а затем достает фонарик и светит в глаза, чтобы понять мою сосредоточенность и чувствительность на свет.

— Что с Майком Сандерсом?

— Мисс Диас, сейчас речь о Вас...

— Нет, сейчас речь о нем, я жива и значит выберусь. Что с ним? — в голове продолжает звенеть, я не слышу на одно ухо, в спине все ломит и жжет, но мне плевать. Я помню его, истекающего кровью на моих глазах. Это ничего хорошего не означает. И судя по молчанию

доктора — так оно и есть. — Ну?! Я жду ответ! — перехожу на крик, а на глаза наворачиваются слезы от того, что он переглядывается с мамой.

— В настоящий момент мистер Сандерс в коме. — Кома? Он сказал в коме? — Он находится в ней уже четвертый день, но прогнозы не так плохи.

— Боже, — шепчу я, не веря его словам. Слезы вышли за пределы глаз, и стекают нескончаемым потоком по щекам и шее.

— Милая, милая, успокойся. Тебе нужно отдохнуть.

— Да к черту отдохнуть! Мама, не успокаивай меня. Он спас нам жизнь. Мама, он спас жизнь мне! А ты говоришь мне успокоиться?

— Тише, тише девочка, — пытается уговорить меня мама.

— Да к черту твоё спокойствие. Ты бы тоже не успокоилась, если бы человек, которого ты любишь, сейчас лежал в коме! — выпаливаю я и продолжаю рыдать.

Мама, ахнув, прикладывает руку к лицу, а доктор просит сестру поставить мне снотворное. Может так оно и лучше. Я плачу, и все мое тело ломит и болит от напряжения. Мне хочется кричать, кричать что есть силы. Я хочу, чтобы он очнулся, чтобы был здоров и был со мной, чтобы посмотрел на меня своим обычным взглядом, чтобы взял меня за руку. Но нет, сейчас я здесь, а он висит на волоске от смерти. Я снова проваливаюсь в пустоту, медленно. Тело снова становится легким и тяжелым одновременно.

— Я хочу его увидеть сразу, как только это будет возможно, — шепчу я и проваливаюсь в сон.

В следующий раз, когда я открываю глаза, рядом со мной спит Эмили. Я поворачиваю голову к окну — там темно.

— Эй, Эмили, — шепчу я, сжимая ее руку. Подруга поднимает голову.

— Привет, малышка, — ее заспанное лицо выдавливает улыбку. — Как ты? — она потирает глаза и садится ровнее, крепче сжимая мою руку.

Как я? Я начинаю еще раз пытаться провести оценку всему, что со мной происходит. В ухе продолжает звенеть, но уже не так громко и я могу немного различать им звуки. Зрение в порядке. Спина продолжает болеть ноющей и тупой болью. В остальном — я просто раздавлена.

— Бывало и лучше.

— Да, я помню, — говорит Эмили и заправляет мои волосы за ухо.

— Эмили, ты видела Майка? Как он? Только прошу, не утаивай от меня ничего. Если я не смогу справиться с этим, то просто позови сестру, чтобы она воткнула очередную порцию успокоительного. Только не ври мне.

Эмили обдумывает и подбирает слова.

— Он все еще в коме.

— Сколько?

— Пять дней. Врачи говорят, что это нормально. Все жизненно важные органы целы. Есть сотрясение, но все в норме. Он вернется к нам, когда будет готов.

— Хорошо, — выдохнув, говорю я. — Это хорошо. А теперь расскажи, что со мной.

— Нууу, — начинает она. — В тебя попал осколок фюзеляжа, ты потеряла много крови. Но в целом все хорошо.

— Эм. У меня в ухе звенит. И я не слышу им почти ничего.

— Вот же дрянь. А ты говорила врачам?

— Еще нет.

— Девочка, главное ты жива. Ходить будешь, ничего не задето. Главное, чтобы затянулись швы, но это будет дней через десять.

— А я могу пойти к нему?

— Говорят, что пока нет. Но, смотри, что я принесла тебе. Твоя мама сказала, что ты сильно переживала за него, и даже сказала, что... барабанная дробь... любишь его? — она играет бровями.

— Не сейчас, Эми. Я хочу увидеть его.

— Не получится, малыш. Но зато, пока ты спала, к тебе приходила бабуля Моника. Она поведала мне о вашем знакомстве. Она классная.

— Да, они все замечательные, — с тоской вспоминаю семью Майка. — Как же им сейчас тяжело.

— Знаешь, бабуля сказала, что только ты можешь вернуть его на землю. Не знаю к чему это она, но просто она это сказала.

— Можно тебя попросить?

— Конечно, что за вопрос!

— Я хочу к Майку. Но сама я, конечно же, не дойду. Тут ведь есть кресло каталки? Попроси разрешения у доктора одолжить мне его. Мне это нужно и важно.

— Я попробую, но твои швы.

— Мы будем аккуратны. — Говорю я подруге, и девушка убегает к врачу. Она и сама понимает, что мне нужно это. Возвращается через пару минут с коляской и медсестрой.

— Поехали, девочка. — Они пересаживают меня в коляску, и Эмили везет меня к Сандерсу. Я начинаю нервничать от того, что могу увидеть. И вот подруга открывает дверь, и я вижу его. Мирно спящего под ровные сигналы его пульса.

— Господи, — шепчу я и намереваюсь встать.

— Нет, нет, нет. Только сидеть.

Я смотрю на моего красавчика, который не просыпается. Сейчас он словно спящий принц.

— Ты можешь оставить меня с ним?

— Конечно, солнышко. Позови, как закончишь.

Я продолжаю смотреть на Майка. Проходят минуты, а я все вспоминаю наши счастливые моменты, перепалки, секс, знакомство. Все смешалось в одном потоке мыслей.

— Ты знаешь, — начинаю говорить я ему. — Сейчас наша с тобой мечта рухнула, вместе с тем самолетом. Она приземлилась, и не способна снова подняться до такого состояния, чтобы стать целью. Ни ты, ни я больше не будем работать на рейсах. Это конец. — По щеке вновь катится слеза. — Но я рада, что достигнув одной цели, я узнала тебя. И пусть мы с тобой ругались и спорили, но тогда я была счастлива как никогда. И достигнув своей цели, я нашла другую, ведь без цели — жизнь — не жизнь. И этой целью и мечтой стал ты. И если бы ты еще раз спросил меня — стала бы я твоей женой, я бы ответила — да. Миллион раз повторяю это слово для тебя — Да.

— Ну, тогда в самую пору просить у бабули ее кольцо, — слышу я кряхтящий голос Сандерса.

— Майк?

— Только не вздумай больше уходить с какими-то барабанщиками.

— Майк! — визжу я. — Эмили!

— Что мы теперь будем делать, — спрашиваю я Майка, лежа рядом с ним на его койке.

— Ко мне приходили представители авиакомпаний, странно, что они не зашли к тебе.

— И что, мы теперь уволены?

— Нет. Они предлагают нам работу инструкторами.

— Серьезно?

— Да! — улыбаясь, говорит Майк, поглаживая меня по руке.

— Значит, теперь, я смогу вдохновлять других на эту работу, несмотря на все произошедшее с нами?

— Да, именно это и нужно. Ты светишься, как солнышко, боевая, веселая. У тебя получится. А самое главное, что теперь мы можем быть вместе всегда.

— Всегда! — повторяю за ним это слово. Я представляю себе наше будущее, как мы будем смеяться, спорить, ругаться, мириться. Детей, которые будут бегать вокруг нас, играя с модельками самолетов. Все это стало мне приятно и не так страшно, как я полагала раньше.

— Эй, ты меня слышишь?

— Что? — отвлекаюсь на его голос и поворачиваюсь к нему

— Кира, хватит витать в облаках! — щелкает мне пальцем по носу.

— А почему бы и нет, раз уж нельзя делать этого в небе, то я буду делать это на земле. И пусть хоть кто-то меня осудит за мои мысли и мечты.

— И о чем ты мечтаешь?

— О будущем. Нашем.

— Это звучит отлично, потому, что я не шутил, — говорит Майк, и тянется к тумбочке. — Кира Диас, ты обещала ответить положительно миллион раз, — Майк открывает красную коробочку, в которой закреплено кольцо.

— Боже, Майк.

— Миллион, Диас. Отсчет пошел!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Всем, кто прочитал эту книгу, посвящается. Мечтайте и не бойтесь делать это. Если у вас нет мечты, то вы не живете, вы существуете. И не важно, что вас ждет, когда вы достигнете цели. Открыв одну дверь, появляется следующая.

© Мария Зябликова